
美
ЛЮ МЭЙЛИН
«Под белоснежным снегом — грязь.»
ЗАСАДА ИЗ ЧЕРНЫХ ЛЕПЕСТКОВ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
ТЁМНОЕ ФЭНТЕЗИ · НОВЕЛЛА

Лю Мейлин

Засада из чёрных лепестков

«Автор»
2026

Мейлин Л.

Засада из чёрных лепестков / Л. Мейлин — «Автор», 2026

Шесть земель — шесть могущественных кланов, каждый из которых поражает своим всевластием.Некогда в их число входили и земли Сюэхуна, находившиеся под управлением клана Бин, что верой и правдой служил Тяньтани на протяжении нескольких поколений. Однако после бесчинств, учинённых семьёй Бин, земли Сюэхуна были уничтожены, клан вырезан, а его последний отпрыск бесследно исчез. Фамилия Бин стала клеймом преступника, чьё имя могло навлечь несчастья и беды на всю оставшуюся жизнь...«Его Величество подтвердил, что отступник Бин Ванмэй мёртв!»«Тяньтань избавилась ещё от одного грязного пятна! Какое счастье!»«Отпразднуем же, господа, отпразднуем! Пусть вино льётся рекой!»

© Мейлин Л., 2026
© Автор, 2026

Лю Мейлин
Засада из чёрных лепестков

Пролог.

Ангел превратился в кровожадного монстра... На чьей стороне справедливость?

Долгожители и обычные смертные до сих пор судачат о происшествии в ночь полнолуния. Двенадцатилетний наследник клана Бин во время церемонии упокоения душ сумел обезвредить волка-оборотня, который в процессе ритуала жестоко убил несколько человек. Люди уже ожидали смерти, как вдруг... Один плавный взмах мечом — и оборотень мертв! Из пасти твари был спасен маленький ребенок — дрожа от страха, малыш прижался к мальчику и все никак не желал отпускать его. Бедняга едва не стал первым, кого волк-оборотень попытался набить себе желудок.

Луна осветила юное, полное неземного очарования лицо, и люди один за другим упали на колени, с восхищением восклицая:

«Да здравствует Его Превосходительство Бин Ванмэй!»
«Да здравствует Его Превосходительство Бин Ванмэй!»
«Да здравствует Его Превосходительство Бин Ванмэй!»

Бин Ванмэй одарил их улыбкой, такой яркой и чистой, что ни у кого не осталось сомнений — ангел спустился с небес.

Та ночь зажгла в сердцах людей слепящую надежду. Им показалось, будто само небо послало им дитя — чистого, светлого, могучего. Еще бы: двенадцатилетний наследник клана Бин, усмиривший в полнолуние волка-оборотня, не мог быть простым смертным. Народ нарек его Снежным Ангелом, и это имя звучало как молитва.

Но молитвы очень скоро обернулись проклятием.

Тот же самый мальчик собственноручно лишил жизни супругу главы клана Лэй. Говорят, она даже не вскрикнула...

Люди, еще вчера готовые пасть ниц, замерли в оцепенении: их ангел оказался безжалостнее любого зверя.

Семья Бин исчезла. Земли Сюэхуна опустели без правителя, словно вырвали сердце из груди. Прошло пять лет — долгих, холодных, полных глухой злобы. Когда же Снежный Ангел вернулся, его встретили не цветами и не слезами радости. Жители, чья ненависть кипела все это время, выплеснули ее наружу — они заклеймили его падшим. Они кричали ему в лицо то имя, которое должно было стать насмешкой...

Падший Ангел сошел с ума и устроил кровавую резню в сердце Тяньтани — Сюйжи. Кровь лилась безжалостно. Бин Ванмэй окончательно разорвал все, что его связывало в жизни, и ушел в уединение в далекие снежные горы, во всеуслышание назвав себя Бин Хуаем. Через некоторое время его объявили мертвым.

Прекрасный юноша, некогда своей добротой освещавший путь... стал вестником тьмы.

На чьей стороне правда?

Глава 1. Лед и белая лисица.

Говорят, что в далеких краях давно существует одна пещера. Слухи вокруг нее ходили не самые приятные: зеваки судачили, что там обитает злой дух, охраняющий свои владения, и что в пещеру невозможно попасть. Много было смельчаков, желающих исследовать эту пещеру, однако ни один из них не смог ее отыскать. Слухи постепенно утихали, а про пещеру очень скоро забыли, усомнившись в ее существовании.

***

На каменном холодном полу, покрытом инеем, лежал юноша. Веки были опущены, кожа, словно фарфор, белее снега. Белоснежные волосы неуклюже разбросаны по полу, а на левом ухе поблескивала золотая сережка-кисточка.

Через какое-то время его пальцы шевельнулись, и он, поморщившись, открыл глаза. С трудом борясь с неприятным онемением во всем теле, ему все-таки удалось присесть. Несколько раз похлопав белыми ресницами и осмотревшись, Бин Ванмэй вдруг осознал, что находится в пещере, только далеко не в обычной: пол, стены и потолок сплошь покрывал иней, а сам он находился рядом... с огромной глыбой льда? Вернее будет сказать, что одна из стен — это и есть лед!

Сфокусировав взгляд, Бин Ванмэй заметил, что в этой стене имеется углубление в форме человека, а рядом с ним разбросаны несколько десятков крупных и мелких осколков льда.

— ...

Он что... был заточен во льду?

В ушах зашумело, но он не мог понять, что произошло. Ослепительная вспышка — и до Бин Ванмэя пришло осознание реальности. Первые несколько секунд он широкими глазами смотрел на эту ледяную стену, а после, перебрав все, что помнил, просто смирился. Ему ли не привыкать к странностям жизни?

Боль от холода иглами впилась в его кожу, и, опустив взгляд, он понял, что сидит на земле почти голым. Вместо верхней одежды кожу покрывал слой черной ткани неизвестного происхождения — начиная с правой руки и заканчивая половиной шеи и торса. Она так сильно прилегала к телу, что практически заменила собой кожу. Бин Ванмэй лишь обреченно вздохнул.

И все же ему это место было незнакомо, не считая сильного холода, к которому он давно привык. В Сюэхуне зимы были жестокие.

Тело слушалось с трудом, и, чтобы меньше походить на живой труп, он изо всех сил старался пошевелить конечностями, и со временем у него это начало хорошо получаться. К телу наконец возвращалось движение.

«Такое ощущение, что я проспал несколько веков...» — саркастично подумал он и, почувствовав контроль над телом, попытался встать, но у него ничего не получилось. После несколь-

ких неудачных падений он заметил чуть поодаль себя странный сверток и, полюбопытствовав, принялся ползти. С трудом развернув пыльную ткань, Бин Ванмэй с удивлением обнаружил там одежды, немного денег и пару мелочей...

Одежды, хоть и не лучшего, но хорошего качества, с золотой вышивкой, сшитые рукой искусного мастера, а грубая ткань, в которой были аккуратно завернуты вещи, была не чем иным, как черной мантией.

Неужели... Некто уже предвидел его пробуждение?

Кто, а главное зачем оставил это здесь? И кто, в конце концов, выпустил его из оков льда? Этого Бин Ванмэй не знал, но голова так и гудела. Его спаситель и тот, кто заковал его в этот лед, остались большой загадкой, которую в будущем ему придется разгадать.

Выдохнув и выпустив от холода пар изо рта, Бин Ванмэй надел на себя синие одеяния, а сверху накинул черную, будто смоль, мантию.

Должно быть, он провел достаточно много времени во льду, ведь чтобы тело пришло в нормальное движение, Бин Ванмэю пришлось постараться, и заняло это больше времени, чем он предполагал. Ко всему прочему, мешала также непонятная боль во всех конечностях, что не могло не насторожить.

Теперь, когда туманная завеса от сна спала и ясность разума вернулась к нему, он начал вспоминать...

«Небесная Кара, наказание, боль...»
«Я заслужил... Заслужил.»

«Тот юноша... С ним ведь все хорошо? Он ведь жив?»

«Почему он так кричал, ему было больно? Даже больнее, чем мне?»

Как только первые воспоминания пронеслись в голове, Бин Ванмэй согнулся в три погибели от острой боли, ударившей в сознание со страшной силой. Он поднял руку и с размаху дал себе пощечину. Боль немного отступила, но, несмотря на все свое нежелание, он просто-напросто не смог ничего вспомнить! Все его воспоминания — начиная от хороших до самых плохих — все расплывалось и превращалось в один сплошной туман. Основная картина имелась, деталей на ней — нет.

Хаотичные, глубокие и размытые, каждое из воспоминаний отдавалось тупой болью в голове, постепенно она нарастала и становилась невыносимой. Выходец клана Бин просто решил не думать об этом... Обо всем, что касалось прошлого.

Он снова тяжело вздохнул.

Спустя несколько часов из пещеры неспешной походкой вышел юноша с пепельными волосами. Стоило ему выйти, как в нос ударил легкий аромат трав, а взору открылся прекрасный вид горной местности, где вдалеке даже можно было разглядеть деревья. Солнце светило

ярко, и, дабы избежать внезапного светового удара по глазам, Бин Ванмэй поднял руку над глазами так, чтобы она создала тень.

Поглубже вздохнув прохладного и чистого воздуха, он начал свой путь.

Благо, вышел он именно днем, ведь если бы получилось ночью, то неизвестно, какая по пути попалась бы нечисть, а быть приманкой для какого-нибудь демона или духа ему уж точно не хотелось — он еще не разобрался, какой эффект дало заточение в том странном льду, потому-то шестое чувство ему подсказывало быть предельно бдительным. Размышляя об этом, он глянул вниз. Оценив масштабы горы, на которой и располагалась непонятная пещера, Бин Ванмэй решил, что все-таки будет не очень благоразумно просто спуститься, и только он начал думать над тем, как можно аккуратно обойти крутой спуск, как внезапно оступился и кувырком покатился вниз. Упоминать о том, что с ним произошло в конце этого короткого путешествия, смысла не было — он просто превратился в «ванмэй-лепешку».

Дальше бывшего правителя Сюэхуна ждало приключение не менее занятное.

Горы не желали отпускать его просто так. Тропы то обрывались в пропасть, то виляли так хитро, что приходилось карабкаться по осыпям, цепляясь за корни чахлых сосен. Дважды он едва не сорвался вниз, и только старая хватка воина спасала от падения.

На четвертый день путь преградила горная река — ледяная, белая от быстрины. Бин Ванмэй нашел брод, но дно ушло из-под ног, течение сбило его, ударило спиной о валун. Холод вцепился в легкие, и на секунду показалось, что лед внутри него проснулся и тянет обратно — ко дну, в сон, в забвение. Юньци на пальце вспыхнула, но он вырвался сам. Выгреб на берег, долго лежал на спине, глядя в небо, и дышал.

Вечером того же дня он впервые развел костер — не столько для тепла, сколько чтобы просушить одежду. Все, что осталось в том свертке: синие одеяния, черная мантия, три серебряные монеты и сложенный вчетверо листок бумаги. На листке было всего два иероглифа:

«Не спеши».

Бин Ванмэй перечитал их раз, другой, потом спрятал бумагу за пазуху.

На пятый день горы кончились. Лес стал ниже, тропа шире, а в воздухе появился слабый аромат дыма. Где-то впереди были люди.

Бин Ванмэй остановился на границе леса и поля, перевел дыхание и шагнул вперед.

Очередная ночь. Очередное испытание на выдержку. С трудом волоча ноги и не понимая, идет он или ползет, изрядно потрепанный Бин Ванмэй пробирался через лес, руками отодвигая от себя ветки деревьев. Пройдя еще немного по темному лесу, он вдруг заметил неподалеку белую лисицу, остановился и невольно удивился ее красоте: чуть вытянутая хитрая мордочка добавляла зверьку очарования, а большой пушистый хвост — изящество. Два больших черных глаза больше напоминали драгоценные камни. Но самым удивительным было то, что ее шерсть в черноте ночи излучала свет!

Бин Ванмэй застыл, словно зачарованный. Он подумал:

«Демонической аурой от нее не веет, и жажда убийства не чувствуется... Мифический зверь?»

Мифический зверь, или же мифический питомец, — редкая разновидность животных, наделенных магическими силами. У них были те или иные признаки в природе, которых не было у обычных животных. А что самое важное — это их сила! Если сравнивать обычного медведя и мифического, то первый может выпотрошить человека, а второй одним ударом массивной лапы раскидать на тысячу кусочков!

Существовало также поверье о том, что мифические звери могут за одно с телом забрать и душу убитого, но похожих случаев не наблюдалось, поэтому с тех пор об этом никто не заикался. Таких существ встретить вживую — огромная редкость, потому-то простой люд об этом не очень беспокоился. Что не скажешь о Бин Ванмэе, который был близок к тому, чтобы стать мясным фаршем. Оценив свое незавидное положение, он уже думал над путями отступления, когда внезапно в голову пришло осознание: если здесь есть мифическое животное, то где-то недалеко должен быть и его хозяин!

Даже несмотря на свою редкость, люди не зря сторонились и боялись мифических животных, не просто так их зачастую называли «питомцами»: единственные смельчаки, берущие этих опасных существ в качестве домашнего зверька, — это демоны. В основном высокого ранга. Если кто и опаснее мифических зверей, то это темные звери. Их было всего три: Девятихвостый лис Чжаньчжень, Скользкий тайпан Фаян и Золотой феникс Янвэй. Их сила и духовная энергия выходили за рамки человеческого понимания, поэтому и информации о них было критически мало. Бин Ванмэй однажды читал о них, но не мог поверить, что существа такого уровня могли беспрепятственно гулять по миру. У каждого из них определенно должен быть хозяин...

Вспомнив про этот неблагоприятный факт, он развернулся и уже было направился прочь, как неожиданно зацепился за что-то и полетел вниз. Своим падением он сломал ветку, подняв шум сломанных веток и шелест листьев, нарушая гробовую тишину. Силы в тот же миг покинули его полностью, и он не смог больше встать.

Лисица, заметив попытку побега, уже сама направилась в сторону беловолосого нарушителя покоя. Вплотную приблизившись к молодому человеку, она встала рядом с его беспечно лежащей рукой, при этом каждое ее движение было настолько грациозным, что не получалось отвести взгляд.

Бин Ванмэй застыл, не позволяя себе сделать даже вздоха, и стал думать над тем, как в его жалком состоянии противостоять белой красавице. Опасной красавице.

Лисица тем временем чуть наклонилась к его руке, принюхалась и лизнула ромбообразный светлый камень с золотой оправой, от которого тянулась черная ткань, переходящая ко всему телу. Бин Ванмэй от такого жеста сначала опешил, потом быстро одернул руку. Разумеется, в его положении делать резкие движения было равносильно смерти, но позволять ей вот так лизать самую дорогую для него вещь он не собирался. Да и если так рассуждать, то сам факт приближающейся смерти его не волновал.

Он просто физически не мог умереть.

Было ясно, что столкновение с лисой надолго лишит его возможности нормально передвигаться, что, в свою очередь, лишь усложнит задачу.

«Юньци... Даже ты не сможешь ей противостоять?» — с надеждой подумал Бин Ванмэй, обращаясь к светлому камню на среднем пальце. Юньци была его магическим артефактом, и возможности ее не уступали мифическим зверям, однако странно, что Юньци была спокойна, но и Бин Ванмэй не спешил отдавать приказ.

Лисица в ответ на его действие не выразила и капли враждебности, даже наоборот — вновь подняла свою очаровательную головку и отошла на пару шагов, с интересом наблюдая за ним. Бин Ванмэй так и лежал, не в силах подняться, а что неудивительно: несколько дней без передышки брести непонятно где...

Не успел он спокойно выдохнуть, как лиса вновь подошла и лизнула его лоб. Мысленно выругавшись, он уже хотел приказать Юньци связать наглую бесовку, как вдруг почувствовал прилив сил. Да такой, с которым и многодневный сон не сравнится! Всю его усталость словно ветром сдуло. Тело начало чуть подсвечиваться белым, и даже можно было узреть, как по конечностям разливаются струйки энергии, которые озаряли своим светом мрачный лес.

С распахнутыми глазами Бин Ванмэй смотрел то на себя, то на довольно сидящую лису перед собой. Она то и дело размахивала своим большим пушистым хвостом, смирно ожидая похвалы за проделанную работу.

Бин Ванмэй:

— ...

До сих пор не понимая, что произошло, Бин Ванмэй смог встать. Чего уж там: он смог бы совершить несколько десятков кругов вокруг горы и при этом быть бодрым!

«Зачем ей это делать...» — размышляя, он неосознанно коснулся большим пальцем своего подбородка.

Воспользовавшись его замешательством, лиса вновь начала бесчинствовать: она изящно покрутилась вокруг него и начала тереться об ноги. Бин Ванмэй, наконец оправившись от недоумения и вновь вернув самообладание, присел на корточки:

— А ты даже милая... — Он погладил лису по головке. Шелковистая шерсть мягко обвивала ладонь, даруя тепло. Его тело и шерсть лисы своим светом разгоняли непроглядную тьму ночи, но не прошло много времени, как свечение от молодого человека померкло.

Лисица была крайне довольна происходящим, но стоило Бин Ванмэю убрать руку, как она жалобно заскулила, подобно капризному щенку, лишившемуся родительской ласки. Впрочем, Бин Ванмэй ничего не заметил, поднялся на ноги, отряхнул остатки пыли с одежд и мягким голосом произнес:

— Благодарю за помощь, с твоего позволения, я бы пошел... — не успел он договорить, как почувствовал, что руку кто-то дернул. Он посмотрел на свою руку, за которую его схватил...

белый обруч? Запястье его правой руки обвивал обруч из белого света, настолько яркого, что глаза сами собой наливались слезами.

— А?

Он охнул, когда этот обруч стремительно повел его за собой по прихоти белой лисицы. Так они легким бегом преодолели пару сотен шагов через лес, Бин Ванмэй все это время молча следовал за новой спутницей, но к концу потерял терпение и обратился к лисе:

— Уважаемая, куда мы мчимся? — с усмешкой спросил он и перевел внимание на дорогу, как вдруг краем глаза заметил нечеткую тень, которая с нечеловеческой скоростью пронеслась впереди них. Все произошло так быстро и неожиданно, но даже это не скрылось от зорких глаз хорошо натренированного воина. К тому моменту Юньци начала неистово дрожать и светиться.

Юньци была единственным магическим артефактом, способным так точно определять опасность. При приближении нечисти, грозящей нанести вред владельцу, она либо без предупреждения убивала, либо давала знак. Бин Ванмэй уже полностью подчинил себе Юньци, поэтому в случае опасности она излучает яркий свет и дрожит, давая понять — перед ними враг.

Увидев реакцию своего верного оружия, Бин Ванмэй понял одно: их кто-то поджидал впереди и добра явно не желал. В ту же секунду он, не обращая внимания на несущий его за собой сгусток света, выбросил руку вперед со словами:

— Юньци!...

Кто же знал, что не успеет он отдать приказ, как вдалеке послышится оглушающий рев!

Стоило ему прозвучать, как белая прелестница наконец остановилась, а за ней и Бин Ванмэй, чуть не навалившись на нее всем весом. Глаза лисицы заблестели, и она начала оживленно махать хвостом из стороны в сторону.

Перед глазами поплыли черные пятна, а в воздухе повисло благоухание цветов. Бин Ванмэй по своей привычке вытянул свободную руку, на которую неторопливо упал лепесток: маленький и беззащитный. В свете луны на бледной руке он оставался угольно-черным, но при этом выглядел хрупким, словно хрусталь. Сердце Бин Ванмэя пропустило удар. Зрелище было таким прекрасным, что он на мгновение забыл, как дышать.

Бин Ванмэй взирал на малютку-лепесток совсем недолго и, погруженный в свои раздумья, не сразу заметил легкость в руке и, подняв взгляд, понял, что лисы нигде не было.

Сделав пару шагов вперед, Бин Ванмэй оказался на месте, где пару мгновений назад пронеслась тень. Земля была сплошь укрыта черными лепестками, словно темным ковром. Некоторые лепестки все еще плавно опускались, тихо ложась рядом с остальными, а в воздухе все отчетливее чувствовался густой аромат цветов.

Чувствуя странное умиротворение, Бин Ванмэй протяжно выдохнул:

— Засада из черных лепестков...

Он долго стоял среди благоухающего моря, до глубины души восхищенный столь красивым зрелищем, и вовсе забыл, кто и для чего его сюда привел, пока не услышал мужские голоса.

Глава 2. Деревня Цзиньмао.

Повернув голову к источнику звука, Бин Ванмэй понял, что голоса раздаются относительно неподалеку. Он несколько раз провел взглядом большое скопление черных, будто смоль, лепестков и в конце концов глянул на свою ладонь, где по-прежнему покоился самый маленький из всех братьев — лепесток, такой же нежный и благоухающий. Он сунул маленький, еле ощутимый лепесточек в широкий рукав, напоследок оглянулся в поисках лисы и, не заметив никого поблизости, направился в сторону голосов.

Его одолело разочарование. Уж очень ему хотелось узнать имя белой прелестницы, но та исчезла быстрее, чем он успел опомниться. Хотя нельзя было сказать точно, имело ли это существо разум, но что-то ему подсказывало, что она отличалась от других мифических животных.

Пройдя еще немного, Бин Ванмэй увидел впереди силуэты. Он окликнул их, и голоса затихли, а все взгляды обратились к нему. Когда до столкновения оставалось всего несколько шагов, раздался грубый мужской голос:

— Стоять! Кто такой?!

Бин Ванмэю ничего не оставалось, кроме как послушаться и замереть на месте. Пока он подбирал нужные слова, раздался уже другой голос:

— Успокойся, дагэ, он не похож на нечестивое существо...

А после и третий:

— Откуда нам знать, что у него на уме? Вдруг это очередной демонический трюк?!

Бин Ванмэй уже не выдерживал обвинений в свою сторону. Он энергично замахал руками и начал со всей уверенностью твердить:

— Господа! Вы не правы, никакой я не демон и не дух!

— Вот значит как? А выглядишь так, словно из гроба вылез!

До Бин Ванмэя только сейчас дошло, что за время путешествия он успел нехило так испачкаться, а на нем все еще висела мантия из пещеры: грязная и рваная. Грязь смешалась с пылью, и даже были заметны запекшиеся пятна крови. Волосы, которые некогда своей белизной могли затмить снег, стали серыми.

Скорее всего, сейчас Бин Ванмэй выглядел хуже всех существующих демонов.

— Ладно... — спустя продолжительную паузу произнес он и для наглядности снял с головы капюшон, выставляя на свет уже серебристые волосы, которые легко покачивались от ветра в такт с золотой сережкой-кисточкой на левом ухе.

Мужчины внезапно охнули и, не скрывая интереса, сами начали понемногу приближаться к нему.

— Какой прекрасный молодой человек! — воскликнули братья хором.

Их реакция была вполне понятной: голубые, почти льдистые глаза Бин Ванмэя сочетались с белизной его кожи, придавая ему ангельское очарование. А четкие, в меру мягкие черты лица хранили в себе утонченность и изящество. Он и правда был невероятно красив. В свое время Бин Ванмэй стоял в верхушке списка «самые красивые юные наследники Тяньтани», уступая только Лиу Цзиню. Даже неизвестные ему господа из других земель не сдерживали своего восхищения и, не стесняясь, щедро одаривали дорогими подарками в качестве своего почтения.

Двое мужчин подходили все ближе, и из их уст выходили слащавые слова восхищения, пока самый старший из братьев оставался на месте с хмурым видом. В какой-то момент он не выдержал:

— Стойте! — приказал он братьям. Те замерли на месте и уставились на него, а мужчина тем временем спросил незнакомца: — Если ты не дух и не демон... то кто же ты?

Бин Ванмэй от такого вопроса просто опешил. Кто он? Разве он сам понимает, кто он такой? Раньше, если бы его спросили об этом, он бы без обиняков ответил: «Я — Бин Ванмэй. Глава клана Бин, правитель земель Сюэхуна». Затем, наивно посмеиваясь, обратился бы к спросившему: «Ха-ха-ха! Ты правда не знаешь меня? Что ж, не думал, что будучи правителем можно остаться неприметным!»

А что теперь? Время утекло, как песок меж пальцев. Одно поколение сменилось другим... Он потерял все, что имел: семью, статус и себя в конце концов.

Он — *ничто*.

Бин Ванмэй долго мялся, подбирая слова, пока самый младший из зевак вновь не подал голос:

— Ты ведь странник, верно?

Его голос наконец вывел Бин Ванмэя из мыслей, и он медленно кивнул.

— Вот видите! — сказал мужчина братьям и, подойдя к молодому человеку, похлопал его по плечу. — Друг, тебе ведь негде остановиться? Ты можешь пожить в одной из комнат в нашей скромной деревушке!

— Да-да! — подхватил другой. — Странники вроде вас для нас не редкость. Поэтому мы даже комнату для вас припасли.

Бин Ванмэю, зажатому со всех сторон, ничего не оставалось, кроме как согласиться и пойти с ними. По изначальному плану он и должен был найти население и остановиться там на некоторое время, а после небольшого отдыха продолжить путь. В этом случае, хоть планы и не изменились, и он благополучно направился в деревню, но каким же образом...

Мало того что он встретил крайне удивительное существо в образе белой лисы, так она сама направила его к людям, а те приняли как родного брата! Причина столь дивной заботы ему была непонятна, но это не отменяло того факта, что она жуть как радовала.

Не прошло и часа, как компания мужчин благополучно добралась до небольшой деревни. Из рассказов братьев Бин Ванмэй узнал, что деревня называется «Цзиньмао», — и название весьма подходило. Основным источником пищи, дохода и жития были фрукты и овощи, что росли здесь в огромном количестве. В их числе был и рис, который покрывал большую часть территории.

Мужчины привели гостя к комнате, которая в действительности оказалась небольшим ветхим домиком. «Небольшой» — было еще мягко сказано, поскольку по своим размерам он и правда напоминал очень маленькую и хилую комнатку.

Бин Ванмэй стоял перед своим временным пристанищем, изучая текстуру дерева, и уже хотел было открыть частично прогнившую дверь, как со стороны раздался недовольный женский крик:

— Явились-таки! На улице час быка, а они разгуливают!

Что Бин Ванмэй, что братья — все одновременно вздрогнули. К ним быстро подошла низенькая старушка с масляной лампой в руке. Она оказалась достаточно близко, чтобы Бин Ванмэй смог разглядеть ее простые лазурные одеяния и белый платок, скрывающий седую макушку. Он было открыл рот, но не успел произнести и звука, как средний из братьев громко взмолился:

— Госпожа Суин! Мы объясним! Не гневайтесь на нас раньше времени!

Видно, крики разбудили жителей, поскольку люди понемногу начали выходить из своих деревянных домиков, с интересом наблюдая за разгорающейся сценой. Среди них были и девушки в легких ночных одеяниях, которые собрались в одну отдельную толпу и тихо посмеивались.

Бин Ванмэю от такого быстрого скопления народа стало как-то неуютно. Он уже успел всмотреться в каждого, хотя с таким освещением это было проблематично. Пока он разглядывал люд, младший из братьев подал голос вслед за средним:

— Да-да! Госпожа Суин, мы встретили странника, ему требовалась наша помощь! — он указал пальцем на стоящего чуть поодаль молодого человека в синих одеждах. Все взгляды, направленные на братьев, тут же переместились туда, куда они указывали.

Бин Ванмэй:

— ...

Что уж отрицать, а роль козла отпущения подошла идеально.

Названная госпожа Суин сделала пару шагов навстречу незнакомцу и подняла масляную лампу, озаряя теплым светом прекрасное лицо юноши. После затянувшейся тишины она вдруг приложила ладонь ко рту и большими от удивления глазами пробежала взглядом по его лицу и телу. Другие жители тоже заинтересовались и стали подходить, но заканчивалось это одним большим потоком удивленных вздохов и слащавых слов. Особенно интерес разыгрался у толпы девиц — они всегда каким-то образом оказывались ближе всех к незнакомцу.

Бин Ванмэй, прочистив горло и отступив на два шага, заговорил:

— Кхм... Многоуважаемая госпожа Суин, а также жители Цзиньмао, — торжественно начал он. — Я странник из далеких краев, мое имя Ван Мэй. Спустя долгое время я решил навестить своих родных из Сюэхуна...

— Сюэхун! — прокричали все присутствующие, при этом их лица сделались пугающе бледными.

Бин Ванмэй чуть замялся, но спрятал страх и волнение глубоко в душе и все-таки спросил:

— Что-то не так?

— Юноша... — неожиданно для всех раздался старческий голос за его спиной.

Все присутствующие перевели внимание со странника на старика, который был немногим старше уже известной Суин. Он медленно приблизился к взволнованной старушке и встал рядом с ней, придерживая ее за плечи.

— Господин Лао! — вновь раздались возглас**ы.**

— Молодой человек, — тем временем продолжил Лао, — мне искренне жаль, но боюсь, что Сюэхун стерт с лица земли. Твоим родным либо удалось сбежать, либо они... — он не смог закончить фразу.

Бин Ванмэй остолбенел. Сердцебиение участилось, а дыхание постепенно становилось тяжелым. От нахлынувшей лавины чувств мозг опустел, а слова умирали на губах. Он с силой сжал дрожащие руки в кулаки.

Тук-тук-тук... — казалось, будто кусочки льда бились друг о друга.

Он предполагал, что все так кончится, но надеялся. Так надеялся... Эта надежда была сравнима с каплей воды в сухой пустыне, с маленьким лучиком света в непроглядной тьме. Он все время хватался за нее, пытаясь удержать. Однако в этот самый миг надежда сгорела дотла, оставив после себя лишь одинокий, печальный пепел.

Жители, заметив на лице незнакомца месиво из разных выражений, не на шутку перепугались. Из толпы выбежала юная девушка.

— Господин? Господин! — кричала она, тряся его за правую руку.

Через какое-то время Бин Ванмэю удалось прийти в себя, и в первую очередь его многозначительный взгляд упал на мертвую хватку девицы. Та, видимо, осознала, что хватать людей ни с того ни с сего не очень-то прилично, и незамедлительно отпустила рукав, стыдливо отступив.

Бин Ванмэй перевел внимание на большую толпу перед собой. Он улыбнулся лучезарной улыбкой — люди вокруг успокоились и облегченно выдохнули. Однако неожиданно улыбка на его лице исчезла, и жители вновь насторожились.

Он резко вспомнил об одном важном вопросе, который мучил его с того самого момента, как он проснулся...

Жители Цзиньмао не собирались нарушать тишину, созданную многоуважаемым господином Лао, также они не собирались злить гостя-странника и до этого момента держали рты на замке. Первым заговорил Бин Ванмэй:

— Господин Лао, скажите... как давно пал Сюэхун? — спросил он с новой надеждой, чтобы убедиться, что не ошибся и проспал от силы пару десятилетий, но ответ вышел далеко за рамки его ожиданий...

— Точно не помню... — начал мужчина, одной рукой поддерживая супругу, а другой гладя свою не очень длинную седую бороду. — Наверное, прошло около десяти веков...

«Фух, так я и думал... Подождите... Сколько?!»

Он определенно ослышался. С трудом удерживаясь на ногах и не веря своим ушам, Бин Ванмэй спросил вновь:

— Тысячу лет?... Вы... Вы уверены?..

Господин Лао нахмурился — сомнения в достоверности его слов оскорбляли.

— Если я и ошибся, то точно на сотню или чуть больше лет. В общем, можешь не сомневаться. Если не веришь мне, спроси у любого из присутствующих.

Услышанного хватило, чтобы выбить из Бин Ванмэя весь дух. Он не выдержал и свалился без чувств.

Вокруг все было черным-черно. Бин Ванмэй падал. Он стремительно летел вниз. Тяжелые веки все никак не желали подниматься, а само тело будто было погружено в воду: мягкий омут окутывал его, даруя то тепло, то холод.

Пролетев так неизвестно сколько времени, Бин Ванмэй с большим трудом разомкнул глаза. Быстрым движением совершив несколько оборотов в воздухе и мягко приземлившись на что-то твердое, напоминающее скалу или камень, он выпрямился, и в глаза резко ударил яркий свет. Непроглядная тьма наконец отступила, и взору представились прекрасные пейзажи

гор и рек. Весенняя зелень окутала все пространство, вдалеке слышались приглушенные звуки водопада, а в атмосферу явственно въелся аромат расцветших цветов. Воздух был прохладен, каждый вдох сопровождал легкий озноб, но это лишь больше будоражило разум.

Бин Ванмэй на миг перестал дышать, его грудь пронзил давно забытый восторг вперемешку с тоской. Ведь это были его самые любимые виды Сюэхуна.

Он так и стоял, не в силах отвести взгляда от столь восхитительных пейзажей. Однако эта благодать продлилась недолго. По телу вмиг пробежали мурашки, заставляя выйти из размышлений. Он обернулся, но уже давно догадался, кто притаился за его спиной с холодной усмешкой на губах.

— *Вэйюан*, — сухо обратился Бин Ванмэй к мужчине напротив, — я все думал, когда же ты появишься... А ты просто скрывался в глубинах моего подсознания, прямо как крыса.

Перед ним стоял мужчина стройного телосложения с изящными чертами лица. Его длинные черные волосы были аккуратно закреплены серебряной заколкой, а по одеяниям цвета угля ввысь поднимались сгустки темного дыма.

«Благородный генерал, пленяющий сердца множества дев» — так бы его описал незнакомец, но точно не тот, кто действительно был с ним хорошо знаком.

В ответ Вэйюан лишь ехидно усмехнулся, высокомерно задрав голову. Он какое-то время изучал Бин Ванмэя внимательным взглядом, отчего улыбка его чуть померкла.

— Бин Бин, — мужчина завел руки за спину, медленно приближаясь к Бин Ванмэю, — ты серьезно свалился без признаков жизни от известия про заточение на тысячу лет?

Бин Ванмэя на миг передернуло, стоило ему вспомнить этот неблагоприятный факт. Внезапно мужчина в черном принялся смеяться как умалишенный. Стоящий рядом Бин Ванмэй даже вздрогнул от неожиданности.

— От одиночества совсем рассудка лишился? — с презрением выплюнул Бин Ванмэй.

— Кто из нас двоих рассудка лишился? Не ты ли, милашка Бин Бин?! Ха-ха-ха-ха!

Однако тот лишь нахмурился и повернулся к нему спиной, не желая дальше слушать всякий вздор. Но в голову Бин Ванмэя пришла одна мысль, которую не следовало игнорировать:

— Ты очень глуп, раз думал, что, пока я жив, тебе будет дозволено занять *ее* тело. — монотонно заявил Бин Ванмэй, не удостоив Вэйюаня даже взглядом.

Вэйюан тут же прекратил хохотать, а выражение его лица в тот же миг стало абсолютно бесстрастным.

Бин Ванмэй же продолжил:

— Когда я впервые пустил тебя в свое тело, ты все никак не хотел мириться с тем, что занимаешь тело мужчины, а не молодой девушки, чье тело ты занимал до этого. Ты ведь...

— он намеренно растянул паузу, наконец поворачиваясь к нему лицом, — ты ведь правда не думал, что достоин *ее*?

Черные глаза Вэйюана мрачно сверкнули, но он лишь с усмешкой произнес:

— Ох, Бин Бин, когда дело касается твоей драгоценной семьи, ты меняешься на глазах. Твоя жестокость не знает границ, а ты все продолжаешь играть в добрячка. — Бин Ванмэй безмолвствовал, а он продолжал: — Боюсь представить, на что ты способен ради *него*... Ради этого бездомного ублюдка!

Бин Ванмэй непроизвольно сжал руки в кулаки. Прекрасные голубые глаза налились кровью, а в сознание будто что-то ударило с неимоверной силой.

— Закрой рот! — не выдержал он, схватив Вэйюана за грудки. Как же он сейчас жалел, что не мог навсегда заткнуть эту падаль напротив. — Впредь даже не смей упоминать *его*!

— Оу, хорошо-хорошо! Как прикажет господин! — Вэйюан, довольный реакцией, решил ковать железо, пока горячо, и предупредительно накрыл своей бледной ладонью с худыми пальцами другую, ту, что держала его за одежду. — А ты впредь не смей упоминать *ее*.

Глава 3. Кто такой Линь Хэян?

Бин Ванмэй проснулся со скверным настроением. Диалог с Вэйюаном закончился на неприятной ноте, и он искренне не понимал, почему тот ни с того ни с сего поднял эту болезненную тему. Возможно, глубоко в душе затаилась злость, а возможно, и вовсе радость. Ему так и не удалось понять.

Лучи утреннего солнца пробирались через просветы тонкой ткани, заботливо натянутой на небольшое окошко рядом с кроватью Бин Ванмэя. Присев на ее край, он глубоко задумался. Ему удалось сохранить облик семнадцатилетнего юноши (на самом деле он выглядит чуточку старше). Если судить по возрасту долгожителей, то сейчас он должен был выглядеть на лет двадцать пять или даже тридцать.

Он пришел к двум теориям: первое — во льду, в котором его запечатали, скрыты магические силы, и второе — все дело в генах клана Бин. Так уж вышло, что отпрыски семьи Бин удивительным образом сохраняли молодость до преклонных лет.

— Второй вариант нравится мне больше, — заключил Бин Ванмэй и, осмотревшись, понял, что находится не в той скромной комнатке, в которую изначально должен был поселиться, а в достаточно просторном и весьма чистом обиталище.

Он встал и глянул в зеркало. На нем были не синие одежды, а легкий белый халат, который со всем белым в его образе лишь слепил глаза. Среди этой белизны черным пятном выделялись лишь шея и правая рука.

Только сейчас Бин Ванмэй рассмотрел свои длинные белые волосы, которые доходили до пояса. В последний раз он помнил, что они с трудом касались плеч, и он в основном завязывал их в неряшливый пучок. Что и на этот раз — не желая долго с этим разбираться, Бин Ванмэй до выхода из пещеры по-быстрому собрал их по привычке, но теперь они были кем-то распущены,

а голубая лента мирно покоилась на тумбочке. Он подошел к ней и аккуратно открыл ящичек, в котором оказались его синие одеяния: чистые и источающие приятный аромат.

До глубины души тронутый столь трепетной заботой, он невольно припомнил, что сам он так и не помылся. Кровь прилипла к лицу, образуя розовый румянец на щеках. Он закрыл лицо рукой, представляя, как его раздевают, а люди с отвращением отворачиваются, не в силах стерпеть запаха.

В это время в голове раздалось чье-то ворчание:

«Гляньте на этого засранца, сидит, будто других проблем нет! Да ты чистенький и благоухаешь, надеюсь, доволен?»

Услышав его, Бин Ванмэй закрыл глаза и оказался на том же месте, что и вчера.

Пейзажи Сюэхуна.

Рядом с ним стоял статный мужчина в черном. С заведенными за спину руками тот отвлекся от чудесных видов гор и рек, одарив красного как помидор Бин Ванмэя недовольным взглядом.

— Слушай, а почему ты вообще лезешь в мои дела? Да и есть смысл так ворчать? — не удержался Бин Ванмэй.

— В «твои дела»? Ты хоть в курсе, что твои дела касаются и меня, поскольку я заключен в твоем теле, идиот! — вспылил Вэйюан, одарив Бин Ванмэя раздраженным взглядом. — Устроил тут драму. Пока ты летал в пространстве, я на короткий миг взял твое тело под контроль. Правда… я ничего не видел. Наверное, эти люди думают, что у тебя лунатизм, — как бы невзначай бросил он, отчего лицо стоящего напротив, кажется, покраснело пуще прежнего.

Пауза значительно затянулась, но ровно до одного момента. Осознание ударило в голову, когда они обменялись удивленными взглядами. До них запоздало дошло: Вэйюану удалось завладеть телом Бин Ванмэя!

— Ты смог переступить через мой контроль?!

— Это произошло всего на миг, — задумчиво ответил Вэйюан. — Я, будучи в твоем теле, что-то пробормотал жителям про воду, и они без лишних слов меня поняли. Не знаю, что происходит, но это ненормально.

К концу его речь начала звучать серьезно, и Бин Ванмэю не потребовалось много времени, чтобы ему поверить. Выходит, когда он потерял сознание, Вэйюан на короткий миг завладел его телом, а после жители, увидев его в таком состоянии, помыли его, когда он все еще находился без сознания. Раз уж Вэйюану хватило сил побороть его, значит, его тело и силы значительно ослабли, и в этом не было ничего удивительного. Та странная пещера… Он вроде даже почувствовал какой-то барьер, окружающий гору, но не придал этому значения, хотя стоило бы.

После пробуждения все казалось таким незнакомым и пугающим одновременно, что иногда ему казалось, словно он попал в другой мир…

— Что ж… — протяжно выдохнул он. — Чтобы это ни было, я готов принять. Да и если честно, думаю, ничего не должно быть ужаснее «Небесной Кары»…

Всего два слова — и лицо Вэйюана исказилось искренним презрением. Бывший правитель Сюэхуна лишь горько усмехнулся. Хоть и не в полной мере, но Вэйюану передавались все его чувства и ощущения. Вэйюан находился в его теле как «скверна», чернота, поглощающая душу. Без особой стойкости обладателя «скверна» поглотит все собой и сможет занять тело.

Бин Ванмэю без особых усилий удавалось обуздать эту черноту в лице Вэйюана, и сама «скверна» это прекрасно осознавала.

Но это мгновение, когда у того получилось переступить контроль… Вэйюан уже чувствовал это всем своим нематериальным телом. Ощущение полной власти над собой и абсолютного контроля, хоть и на короткий миг. Глядя на поникшего Бин Ванмэя рядом, он почувствовал чистое удовлетворение.

Бин Ванмэй открыл глаза. Он все еще находился в комнате, в которой проснулся. Немного замедлив, принялся надевать синие одеяние, а волосы… А волосы он решил все-таки не срезать, вместо этого собрал в высокий хвост, завязав голубой лентой. Не успел он выйти на улицу, как в него сразу же кто-то врезался. Бин Ванмэй лишь отшатнулся, а вот девушка, вскрикнув, грубо повалилась на землю. Он помог ей подняться и извинился.

— Нет! — воскликнула девушка. — Это моя вина! Простите меня… Ох! — фраза не была закончена, поскольку она наконец-то увидела, кто перед ней. — Это вы…

Лицо ее тут же стало пунцовым, а руки лихорадочно задрожали.

Присмотревшись, Бин Ванмэй узнал в ней ту девушку, что трясла его вчера за рукав. Она была миловидной красавицей в самом расцвете сил. Ее белоснежные волосы были собраны в аккуратную косу, перевязанную сиреневой лентой.

— Уважаемая, как ваше имя? — перво-наперво спросил он.

Девушка не сразу расслышала вопрос, поэтому ответила чуть замедлив:

— Мое… Мое имя Мэйли. Сюй Мэйли…

— Сюй Мэйли… — повторил Бин Ванмэй. — Какое прелестное имя, госпожа Сюй.

— Нет-нет! Какая я госпожа? Просто зовите меня по имени, — Сюй Мэйли замахала руками из стороны в сторону, словно пытаясь отогнать яркий румянец на щеках.

Бин Ванмэй улыбнулся:

— Хорошо, дева Сюй, тогда я попрошу не звать меня господином. Мое имя Ван Мэй… — он осекся.

Стоило бы придумать себе другое имя: ведь нет во всей Тяньтани хотя бы одного человека, который не знал бы клан Бин и все его преступления. Он уже представился Ванмэем всей деревне, и оставалось лишь надеяться на молчание жителей. Страшно было представить, что случится, если его узнают.

В любом случае, свою личность Бин Ванмэй раскрывать не собирался. Прошлое остается в прошлом, он желает начать новую жизнь.

Он долго ломал голову, но на ум приходил один лес с черными лепестками…

Сюй Мэйли терпеливо ждала, всматриваясь в его голубые глаза. Ответ Бин Ванмэя заставил ее остолбенеть.

— …Линь Ванмэй, — поправил тот.

С лица Сюй Мэйли в тот же миг исчезли все краски, оставив лишь гримасу ужаса. Она с широко распахнутыми глазами смотрела на него, отступая на несколько шагов.

Заподозрив неладное, Бин Ванмэй осторожно спросил:

— Что случилось? С моим именем что-то не так?

«Как странно, а ведь вчера так остро не реагировали…» — подумал он.

— Ты же… Ты же не… — она подняла указательный палец своей дрожащей руки и указала на него.

Где-то сбоку прозвучали размеренные шаги, и к ним подошла старая женщина с корзиной, полной белья. Она спокойно вмешалась:

— С именем нет, а вот с фамилией — да, — она грубо сунула корзину в руки застывшей девушке и недовольно проворчала: — Довольно отлынивать от работы! Еще обед нужно приготовить для всей деревни, помоги своим тетушкам!

— Простите, госпожа Суин! — торопливо поклонившись, Сюй Мэйли тут же направилась прочь.

Суин перевела внимание на озадаченного Бин Ванмэя:

— Ты ее прости, совсем себя не контролирует… — ее светлые глаза замерли на лице молодого человека. — Как ты себя чувствуешь? Наверное, известия о Сюэхуне шокировали тебя. Мне жаль.

— Я в порядке, — отмахнулся Бин Ванмэй и перешел к главному. — Вы сказали, что с моей фамилией что-то не так?

— Да, точно… — Суин задумалась. — На Тяньтань обрушилось бедствие, я бы даже сказала — *хаос*… Великий Хаос.

Бин Ванмэя одолело смутное чувство тревоги, но он продолжил внимательно слушать. Суин же продолжала:

— Юноша, ты слышал о демонах высшего ранга?

— Вы говорите о демонах, чей ранг выше «Бедствия»?

Суин положительно кивнула.

— Но ведь они всегда держались от людей подальше и не устраивали беспорядки…

Во времена пятого поколения никто не сталкивался с демонами ранга Хаоса. Те, в свою очередь, тихо проживали в своих владениях, подобно старикам, которым надоела мирская суета. В основном на территории Тяньтани гуляла нечисть либо ближе к Несчастью, либо, самые опасные, ближе к Бедствию. Остальными являлись мелкие духи, демонические или мифические звери, с которыми легко было управиться.

Разумеется, Бин Ванмэй ни разу не встречал этих легендарных демонов, да и зачем им вдруг начинать творить бесчинства, если до этого они мирно жили да поживали?

Пугающая догадка всплыла в голове: демона заменили!

— До недавнего времени, — продолжала Суин. — Спустя всего сотню лет после падения Сюэхуна объявился демон ранга «Хаоса». Он в одночасье уничтожил пятое поколение, проделав все так, будто он тут ни при чем, также сразился с генералами всех земель и во время боя убил и их… Жестокость, не знающая границ, — голос Суин стал тише, она чуть ли не шепотом произнесла: — Очень хитер и опасен, никто иной, как Девятихвостый лис — *Линь Хэян.*

Демоны разделяются на три основных ранга: Несчастье, Бедствие и Хаос.

Пока демоны ранга «Несчастья» убивали десятками, «Бедствия» убивали сотнями. Их лидерами являются счастливчики, чей ранг «Хаос», они, в свою очередь, могут убивать тысячами. А те, кто ниже «Несчастья», не представляют большой угрозы для людей.

Каков шанс того, что он из всех возможных фамилий выберет именно ту, у которой такое ужасное положение?

Бин Ванмэй не знал, как на это реагировать, но кое-что в нем бушевало пуще всего прочего — удивление и любопытство. Раз уж этот Линь Хэян, по словам Суин, без последствий убил правителей и их генералов, являющихся самыми сильными воинами во всей Тяньтани, то точно заслуживал ранга Хаоса. Судя по всему, этот демон также не обладал скромностью.

Суин мрачно добавила:

— Ему стало этого мало, и он начал убивать чистокровных долгожителей. На сегодняшний день их осталось всего пара десятков, я слышала, у девушек из Фансиня…

Бин Ванмэй бросил на нее недоуменный взгляд:

— Подождите, вы сказали «убивать»? Кто-нибудь видел, как он их убивал?

Старушка поразилась:

— Разве могут быть сомнения? Если он их не убил… то куда подевались несколько десятков тысяч чистокровных долгожителей?

Бин Ванмэй и сам не знал, возможно ли такое огромное количество людей куда-то «деть», но что-то в его душе искренне не хотело верить. Быть всеобщей проблемой, целью, предметом ненависти, жертвой чужих интриг… Все это ему было до боли знакомо, и не хотелось бы, чтобы кто-то также пострадал от всеобщей ненависти.

Да и вообще, если рассуждать рационально, то позволил бы Ху Ичэнь этому случиться? Каким бы сильным ни был Линь Хэян, он все равно не смог бы одолеть самого Покровителя Солнца. Здесь определенно было что-то не так.

Суин внимательно разглядывала его лицо. Особенно ее внимание заострилось на глазах молодого человека. Ее голос странно дрогнул, когда она тихо сказала:

— Юноша… ты ведь тоже чистокровный долгожитель.

Бин Ванмэй встал, словно громом пораженный. Теперь он понял, почему вызвал такой интерес и почему все постоянно вглядывались в его лицо.

Они все время смотрели на его белые зрачки!

Белые волосы являлись отличительной чертой долгожителей, но они могли передаваться и полукровкам, в отличие от белых зрачков, с которыми рождались только чистокровные. Где-то десять тысяч лет назад, когда Ху Ичэнь только-только становился императором Тяньтани, одному мастеру удалось замедлить старение людей, и с тех пор на свет рождались люди, зовущиеся долгожителями. У самого мастера, к слову, тоже были белоснежные волосы, и ходили легенды, что чистокровные долгожители были его потомками, ведь мастер однажды лишился зрения и постоянно ходил с повязкой — это объясняло причину появления белых зрачков. Но все это было красивой легендой, и никто не знал, существовал ли этот мастер или нет.

Внезапно в голове Бин Ванмэя вновь раздался насмешливый мужской голос:

«Бедняжка Бин Бин, хотел тихо и безмятежно прожить эту жизнь, но судьба думает иначе…»

Брови Бин Ванмэя сошлись на переносице:

«Умолкни!»

Тон голоса в его голове изменился, кажется, Вэйюан удивился:

«Опять вспылил из-за ерунды? Я, конечно, и раньше это замечал, но, кажется…»

«Кажется — что?»

«Кажется, ты стал эмоциональнее. Это очень раздражает, между прочим».

«Достал… Закрой рот и сиди тихо».

Бин Ванмэй пришел в себя и понял, что все это время Суин терпеливо ждала его ответа. Неловко откашлявшись в кулак, он с улыбкой произнес, пытаясь улизнуть от темы:

— Госпожа, вы ведь сказали, что нужно приготовить обед? Я могу помочь!

Суин удивленно похлопала глазами, явно не ожидая такого ответа. Но, не спрашивая ничего, она просто кивнула и повела его за собой.

Жители оказались очень трудолюбивыми. Из рассказов Суин Бин Ванмэй узнал, что каждый день люди, проживающие здесь, занимаются земледелием. Стирка, уборка и прочие хозяйские дела — на девушках в первую половину дня, пока мужчины и молодые парни занимаются высадкой овощей. После по расписанию идет обед, который готовят в основном уже опытные женщины для всей деревни в большом отдельном доме, предназначенном как раз для этого ремесла.

Выходца клана Бин привели к просторному домику. Внутри уже вовсю работали хлопотливые женщины в белых платках: одни несли овощи и другие ингредиенты, другие что-то варили в большом котле, некоторые занимались разделкой мяса, а запах стоял такой, что и за несколько чжанов* можно было почувствовать.

[*чжан — 3,3 метра.]

Одна из женщин заметила нежданных гостей и заголосила, указывая ножом на молодого человека:

— Госпожа Суин, зачем вы привели этого юнца сюда? Если он голоден, то пусть немного подождет, еда скоро…

— Он желает помочь, — прервала ее Суин. — Его имя — Ван Мэй. Прошу любить и жаловать.

Смутившись, Бин Ванмэй поклонился женщинам в знак приветствия.

Женщины перекинулись многозначительными взглядами, но выбора у них не было, ведь слово госпожи Суин — закон. Имелись тут, конечно, кое-какие странности, но все же Бин Ванмэй был радушно принят. Суин со спокойной душой покинула помещение.

Прошло уже полтора часа после того, как Суин оставила новоиспеченного странника помогать женщинам с готовкой. Она направлялась к тому домику, чтобы проверить, как там идут дела, но не успела подойти чуть ближе, как дверь с грохотом отворилась, и оттуда выбежали покрасневшие женщины.

Суин невольно забеспокоилась, не случилось ли чего, однако женщины подбежали к ней и начали перекрикивать друг друга:

— Это просто восхитительно! Я хочу, чтобы он стал мужем для моей дочери!

— Почему сразу для твоей дочери? Моей сестре нужнее! Она покрасивее будет!

— Да что ты знаешь о красоте? А вот моя племянница…

Суин подняла руку в знак тишины, и гул прекратился. Она спокойно спросила:

— Что у вас случилось? Кто должен стать мужем для чьей-то дочери, сестры и племянницы?

— Тот юноша, конечно же! — воодушевленно начала женщина в скромном оранжевом платье. — Пища, приготовленная им, просто поразительна! Ничего вкуснее не ела за все свои полторы тысячи лет!

— А какие манеры! — схватилась за сердце женщина уже в голубых одеждах. — Он так трепетно отнесся к нам, будто к своим матерям! Воистину, никогда не видела столь умных и воспитанных юношей.

— Он помог нам во всем, не оставил даже маленького дела для нас. Такой трудолюбивый!

Суин почувствовала, как кружится голова, и помассировала виски. Спустя еще порцию приторно-сладких слов из домика вышел виновник инцидента. Он осторожно приблизился к толпе и растерянно спросил:

— Моя еда пришлась вам не по вкусу? Почему вы все убежали?

Многострадальная Суин готова была сделать что угодно, лишь бы не слышать снова этот огромный поток слов!

— Им понравилось! — повысила она тон, пытаясь угомонить женщин.

Бин Ванмэй, кажется, вовсе потерялся. Ни с того ни с сего толпами убегают, а когда спросишь, говорят, что понравилось… А для чего тогда убежали? Непонятно…

Ему пришлось поверить Суин, поскольку внешне женщины выглядели довольными. Он со спокойной душой направился в сторону большого огорода, где по-прежнему работали мужчины.

Вторая ночь в деревеньке Цзиньмао.

Бин Ванмэй тяжело плюхнулся на кровать, тело болело после изнурительного труда за весь день, но силы в нем все еще были.

«Кажется, удивительная магия лисы еще не истратилась», — констатировал он, закрывая глаза рукой.

Он вздохнул.

Чем больше труда — тем лучше. Телу было необходимо вновь восстановить былую эффективность после тысячелетия, проведенного во льду, и он это понимал. Очень хорошо понимал.

«Надо бы потренироваться…» — подумал он, как вдруг в голове вновь прозвучал надоедливый голос.

«Ну как?»

«Чего тебе нужно в конце концов?» — не выдержал Бин Ванмэй и вмиг нахмурился. Меньше всего сейчас ему хотелось разговаривать с Вэйюаном.

«Закрой свои чудесные глазки, нужно поговорить», — бросил Вэйюан и затих.

Бин Ванмэй ничего не понял, но сделал все так, как ему велели, снова оказавшись на том же месте. Любимые пейзажи Бин Ванмэя и Вэйюана. Скорее всего, теперь они всегда будут встречаться здесь…

Вэйюан сидел на валуне со странным выражением лица. Бывший правитель Сюэхуна отвлекся от волнующих видов и, приподняв бровь, ожидал очередной колкости, но тот продолжал безмолвствовать, смотря в одну точку на земле.

Не получив ответа на свой немой вопрос, Бин Ванмэй направился к журчащей речке неподалеку. Он присел на корточки и принялся разглядывать свое отражение. Смотрел минуту-две, и тут невольно потянулся к манящей, источающей прохладу воде. Но не успел коснуться холодной влаги, как за спиной раздался голос:

— Ты должен покинуть деревню.

Бин Ванмэй замер на месте. Покинуть деревню?..

Глава 4. Обитель Ангела.

— Что? — не понял Бин Ванмэй. — Зачем?

— Не задавай тупые вопросы. Если я сказал, что нужно уходить — значит, так надо! — злобно выпалил Вэйюан, поднимаясь с валуна и медленно направляясь к Бин Ванмэю.

Тот молчал и с недоумением смотрел на приближающегося мужчину в черном. Его глаза внезапно сверкнули.

— С какого перепугу мне тебя слушаться? Объясняй сейчас же!

Уже вплотную приблизившись к нему, Вэйюан резко схватил его за правую руку, ту, где была Юньци. Он раздраженно взирал то на негодующего мужчину, то на светлый камень на пальце.

— Ты что творишь? — спросил Бин Ванмэй. — Не смотри на нее. Юньци — это не *она*.

Выдохнув, Вэйюан отпустил руку и отошел, присев на белые камешки рядом с шумной рекой. Настала тишина. Они любовались видами, которые никогда не надоедали и не будут надоедать в будущем.

Безмятежно и тихо.

Бин Ванмэй уже успел немного расслабиться, но продлилось это недолго. Вновь заговорил Вэйюан:

— Верни прежнее хладнокровие. Ты стал чувствительным, это может пагубно на тебя повлиять.

— Единственное, что пагубно на меня влияет, — это твое присутствие в моем теле. — Вэйюан лишь фыркнул, а Бин Ванмэй улыбнулся, не теряя серьезности: — Мне нравится чувствовать, я люблю это. Действительно приятно осознавать, что я живу, что я здесь, в этом мире. — Он сделал паузу, поднимая голову к «небу». — Мне нравится жить, мне нравится проявлять эмоции, показывать их. Я ведь живой человек.

Вэйюан искоса посмотрел на него:

— Ты стал дураком.

Бывший правитель Сюэхуна усмехнулся:

— Я и раньше был им.

***

Бин Ванмэй открыл глаза. Он не был в состоянии полудремы и вовсе не чувствовал себя так, будто только что проснулся. Просто открыл глаза — словно и не спал вовсе, но усталости как таковой не ощущал. Присев на край кровати и подняв правую руку на уровень лица, он взглянул на Юньци. Та легко подсвечивалась — и все. Просто светилась легким белым светом. Ничего особенного. А вот Бин Ванмэй поймал себя на мысли, что уж слишком часто пересекается с Вэйюаном. За столь короткий срок это был уже который диалог с ним…

Он припоминал, что раньше они за год перекидывались от силы парой фраз, и Бин Ванмэю удалось всего единожды побывать в Царстве Коррозии, созданном мужчиной в черных одеяниях. Тогда это было ничем не примечательное черное пространство, а сейчас там обосновались восхитительные пейзажи Сюэхуна, которые были настолько искусно созданы, что незнающий человек с легкостью мог бы перепутать, где реальность, а где владения Вэйюана!

Попасть в Царство Коррозии можно было только после дозволения хозяина (Вэйюана). Бин Ванмэй догадался, как тот коротал дни за все десять веков, но не понимал, почему «скверна» вдруг стала таким гостеприимным и с такой легкостью впускал в свое обиталище.

Не проще ли снова заточить себя во льду, чем пытаться понять его.

Бин Ванмэй решил не зацикливаться на этом, встал и подошел к зеркалу: синие одежды, волосы распущены, все такое же бледное и спокойное лицо. Вчера он не стал переодеваться и просто лег в чем был, а волосы… Кажется, он их тоже не трогал, но сейчас они были кем-то распущены. Бин Ванмэй не обратил на это особого внимания.

Наскоро собрав волосы в свой обычный хвост, он зашагал к двери. На этот раз ему удалось спокойно покинуть комнату, не натолкнувшись на нежданных девиц. Спросив у прохожего мужчины, Бин Ванмэй направился к господину Лао и госпоже Суин. Преодолев несколько деревянных домиков, он остановился, как предположил, у дома старосты. Подняв сложенную в кулак руку и чуть замедлившись, аккуратно постучался. Тишина. Он постучался еще раз, но ответа так и не последовало. Он уже начал думать, стоит ли стучать в третий раз, как вдруг почувствовал, что его плеча кто-то коснулся. Бин Ванмэй обернулся и наткнулся на миниатюрную фигурку очаровательной девушки.

Это была Сюй Мэйли. На этот раз она не волновалась, цвет ее лица был естественным, все та же коса с сиреневой лентой и прекрасные васильковые глаза, которыми в прошлую встречу она никак не хотела встречаться с глазами Бин Ванмэя.

Бин Ванмэй чуть прищурился и вгляделся в ее мягкие черты лица. По неизвестной причине они показались ему смутно знакомыми, и он искренне не понимал почему. Он ожидал, что Вэйюан по своей излюбленной привычке скажет что-то едкое, но тот безмолвствовал. Впрочем, это было и к лучшему.

Сюй Мэйли прервала молчание:

— Моло… Уважаемый Линь… — Она произносила с явным трудом и начала заметно нервничать.

Заметив ее реакцию, Бин Ванмэй решил не мучить бедняжку и добродушно предложил:

— Может, лучше обращаться ко мне по имени?

— А можно? — Только после того, как молодой человек утвердительно кивнул в знак согласия, Сюй Мэйли заметно расслабилась и спокойно выдохнула. — Что ж, ладно… — Ванмэй, вы ведь ищете господина Лао и госпожу Суин?

Тот положительно кивнул.

— Они отдыхают в саду. Следуйте за мной, пожалуйста. — После этих слов она вышла вперед, а за ней неспеша последовал Бин Ванмэй.

Они шли и шли. Жителей, казалось, было гораздо меньше, чем домов. Перед глазами часто мелькали силуэты хлопотливых людей с корзинами, лопатами и чем-нибудь еще для земледелия. Девушка постоянно совершала резкие повороты, отчего у бывшего правителя Сюэхуна голова пошла кругом.

Когда они прошли уже приличное количество домов, Сюй Мэйли полюбопытствовала:

— А вы правда бывали в разных частях света? Какое ваше самое любимое путешествие? — Ее глаза засверкали, подобно утренней росе.

Услышав столь воодушевленный тон, Бин Ванмэй задумался. Он и правда сумел много где побывать, но не то чтобы прямо путешествовал…

Хотя рассказ о том пути, который он проделал от горы до этой деревни, смог бы умерить любопытство юной прелестницы, но тут он также должен был утаить кое-какие факты (то, что он находился в оковах льда, например).

Так они прошли весь путь к саду, весело обсуждая все на свете. Бин Ванмэй понял, что такая бурная реакция была вызвана тем, что юная Сюй Мэйли была слишком взволнована появлением гостя-странника: ведь сама она с рождения не покидала Цзиньмао, и это объясняло ее любознательность. Из рассказов девы Сюй Бин Ванмэй понял, что та мечтает покинуть деревню и так же путешествовать по свету, как все те странники, которых приютили жители Цзиньмао. Учитывая нежную красоту и грамотную манеру общения этой девушки, ее бы радушно взял замуж какой-нибудь знатный господин из благородной семьи, однако родители девушки слишком уж опекали ее. Сюй Мэйли запрещено уходить даже за пределы Цзиньмао, что уж говорить о путешествиях.

Также Бин Ванмэй был приятно удивлен легкостью их общения. На ее необычные вопросы он отвечал охотно — и каждый раз видел, как на щеках девушки расцветает румянец, а счастливая улыбка расползается до ушей.

«Кого же ты мне напоминаешь…»

Бин Ванмэй не мог не думать об этом, глядя на эту девушку. В конце концов он потерял терпение и против своей воли прикрыл глаза, намереваясь расспросить Вэйюана. В этот момент они с Сюй Мэйли молча стояли у металлических ворот того самого сада.

Тьма. Ничего, кроме тьмы.

Он попробовал еще несколько раз, но безуспешно. Попасть в Царство Коррозии не получалось.

«Обиделся, что ли?»

Бин Ванмэй поднял взгляд на деревянную табличку в самом верху ворот.

Иероглифы гласили: «Обитель Ангела».

Это отвлекло его от заготовленной для Вэйюаня порции брани — надо же было именно сейчас прикинуться дураком! Подавив раздражение, Бин Ванмэй посмотрел на Сюй Мэйли. Она с таким благоговением вглядывалась в полусгнившую табличку, что он замер в нерешительности: было это милым или жутким?.. Скорее второе. Не выдержав, он нарушил тишину:

— Что такого в этой надписи?

Сюй Мэйли чуть вздрогнула, но быстро пришла в себя и монотонно ответила:

— Это обитель нашего ангела. Если вам интересно послушать его историю, лучше спросить у господина и госпожи. Пойдемте.

После этих слов она одним быстрым движением распахнула металлическую дверцу, которая поддалась с душераздирающим скрежетом. От этого звука и Бин Ванмэя, и Сюй Мэйли одновременно передернуло.

— Прошу прощения…

— Все в порядке. — Массируя уши, отозвался Бин Ванмэй.

Они прошлись по узкой тропинке, по бокам которой лежали белые камешки. Пространство было полно аромата различных цветов и зелени, что росли здесь в изобилии. Погода стояла пасмурная, потому цветы, несмотря на насыщенный, теплый цвет, казались какими-то холодными и от этого становились еще прекраснее — словно очень красивая, но гордая и неприступная дама.

Очень скоро впереди показались два силуэта. Лао и Суин.

Они еще не узнали о появлении нежданных гостей, поскольку чем-то любовались. Подходя все ближе, Бин Ванмэй смог рассмотреть то, что так привлекло внимание старых супругов.

Сад, по его меркам, был средним по размеру, а в его центре располагалось изваяние ангела.

Остановившись и прищурившись, он начал изучать статую внимательнее.

Судя по всему, это был юноша. Как и подобает ангелам, у него за спиной были большие крылья, а в руках он держал меч, застыв в боевой, но не менее изящной позе. Лицо разглядеть не удалось, поскольку голову покрывала «ткань», открывающая только нижнюю часть лица, но, несмотря на это, Бин Ванмэй определил в нем благородного юношу с доброжелательными и мягкими чертами лица.

Внезапно в его сознании что-то мелькнуло, и ему резко стало трудно дышать. На грудь легла неведомая прежде тяжесть. Он сам не понимал почему, но, глядя на эту статую, он обретал не то счастье, не то горечь: все перемешалось, все вместе.

Чувство реальности покинуло его. Взгляд его остановился именно на этой статуе, помимо нее он ничего не замечал, пока женский голос рядом продолжал его звать:

— Уважаемый Ванмэй? Ванмэй?..

К этому времени их уже заметили, и старина Лао неторопливо подошел к ним. Поглаживая свою седую бороду, он обеспокоенно спросил:

— Что с ним такое? На нем лица нет.

— Если бы я знала, господин Лао! — воскликнула Сюй Мэйли. — Все было в порядке, пока мы не пришли сюда…

Лао подошел ближе и дернул Бин Ванмэя за руку, притянув к себе. Тот наконец пришел в себя и растерянно посмотрел на пожилого мужчину, держащего его за запястье, и невольно вздрогнул. Он понятия не имел, что нужно говорить в такой ситуации, поэтому молчал как рыба, чувствуя себя полным идиотом. Старец же улыбнулся и, отпустив руку, похлопал его по плечу.

— Красивая, правда?

Бин Ванмэй не сразу понял, про какую «красавицу» идет речь. Когда он взглянул туда же, куда и мужчина рядом, он осознал, что тот имел в виду все ту же статую:

«Обитель Ангела…»

— Очень красивая. — спустя некоторое время ответил Бин Ванмэй, и голос его был хриплым. — У мастера золотые руки.

Лао довольно усмехнулся:

— Работа одного юноши. Он был странником, прямо как ты, и поселился у нас в деревне на некоторое время.

Бин Ванмэй навострил уши, а старик продолжал:

— Тогда деревня была еще очень мала, ресурсов не хватало, а люди нуждались в крыше над головой. Но даже в таких условиях мы не пожалели сил и времени, чтобы почтить его память. — Улыбка на лице старика померкла, в голосе появилась родительская нежность. — Наш ангел, который протянул нам руку помощи в самую трудную минуту и благодаря которому была построена деревня Цзиньмао.

Бин Ванмэй перевел внимание со статуи на старосту. В старческих глазах Лао читалось восхищение и отцовская любовь. В своей жизни Бин Ванмэй лишь единожды видел столь чистую и искреннюю любовь. Теперь он видел ее во второй раз.

Он опустил голову, и глаза его чуть померкли, когда он тихо сказал:

— Вижу, вы очень им гордитесь.

Лао отвлекся от статуи и посмотрел на него.

— Разумеется. Поэтому мы и построили здесь сад в его честь. Тот юноша, что выковал статую, тоже с ним встречался, создал ее и не потребовал плату за работу. Как по мне, очень благородно.

«Получается, тот странник и юноша, изображенный в виде изваяния, — не один и тот же человек? Хотя чему тут удивляться: выковать статую в целый чжан самому себе — верх самолюбия…»

Пока Бин Ванмэй погружался в глубокие размышления, в его мысли ворвался голос:

«Уходи отсюда!» — разъярился Вэйюан.

«А не пойти ли тебе к черту?! — ничуть не уступая ему, воскликнул Бин Ванмэй. — Явился-таки? Да что на тебя нашло в конце-то концов?»

К его большому удивлению, Вэйюан больше не проронил ни слова. Бин Ванмэй сжал кулаки настолько сильно, что ногти впились в плоть, а по ладоням медленно начало стекать что-то теплое. Как же его раздражал характер непредсказуемого Вэйюана — словами не передать!

Эта скверна внутри него причиняла невыносимую боль, когда ее сдерживали, очерняла душу. В худшем случае могла запросто убить хозяина и занять место в его теле, если тот плохо выполнял функцию материального «сосуда», но было в ней и что-то хорошее. Подобные Вэйюану не существуют — и это единственное, что помогало Бин Ванмэю сдерживать эту скверну. Не будь он настолько искусен в концентрации, он давно потерял бы контроль.

Но хуже физического контроля друг над другом были их отношения. То, что они не были друзьями, знали оба, но, несмотря на это, ни один не желал идти первым на примирение. Их цели разнились, подобно небу и земле, и не было смысла держаться за ниточку надежды, что однажды они начнут мирно общаться без яда в речах. Вэйюан — непредсказуемый подлец, который только и ждет, пока Бин Ванмэй растеряет контроль, чтобы распоряжаться телом по своему усмотрению. Его намерения настолько же эгоистичны и черны, насколько темны и неприглядны его одежды. Что бы ни происходило, как бы ни было плохо и больно, Бин Ванмэй никогда не попросит помощи у него.

Суин приблизилась к ним, и когда она уже подошла, то заметила, что ее супруг заметно растерял цвет лица, но не лишился самообладания, уставившись прямо на новоиспеченного странника. Сюй Мэйли же чуть ли не плача громко голосила:

— Я же говорила! Этот сад на него плохо влияет, нужно выпроводить его, быстрее!

Только сейчас Суин повнимательнее вгляделась в мертвенно-бледное лицо молодого человека. По его ладоням медленно стекали капли крови, понемногу пачкая чистые одежды, а на красивом лице застыла гримаса отвращения. Сначала Суин была, мягко говоря, ошеломлена, но потом быстро пришла в себя и начала отчитывать девушку, а заодно и своего супруга.

Когда Бин Ванмэй наконец очнулся, он увидел перед собой группу из трех человек, которые перекидывались громкими фразами. Осознание подобно стреле пронзило его голову: опять отрекся от реальности!

Выругавшись про себя десять тысяч раз, он осторожно вставил:

— Прошу меня простить…

Голос его был тихим — супруги не сразу обратили внимание. Однако Сюй Мэйли, которая вроде бы и не участвовала в перепалке, повернулась и ринулась прямо на него. Застигнутый врасплох, Бин Ванмэй не успел среагировать, как девушка с нечеловеческой скоростью

подлетела и влепила звонкую пощечину. Звук от удара пронесся по всему саду, заглушив препирательства старых супругов. Боль от пощечины легкой волной разошлась по его бледной щеке, оставляя розовый след женской руки.

Непонятный звук отвлек Лао и Суин от дискуссии, и они посмотрели на двух молодых людей: один держался за покрасневшую щеку, а вторая стояла напротив, подняв руку с тонкими пальцами.

Одновременно охнув, староста и его супруга прикрыли рукавами свои ошеломленные лица.

Бин Ванмэй:

— ???

Лао и Суин:

— !!!

Сюй Мэйли:

— …

Сюй Мэйли еще долго продолжала стоять с поднятой рукой. Ее грудь быстро вздымалась, выражение лица было нечитаемым. В следующую секунду она осознала, что именно совершила. Заметно побледнев, она начала бить поклоны и со всей виной в голосе повторять:

— Простите! Простите! Простите!

Ее с трудом подняла Суин, придерживая за локоть и со всей яростью глядя на нее в упор. Ни с того ни с сего ударила незнакомого человека, да еще и начала биться головой об землю как умалишенная! Вот уж неподобающее поведение для юной девицы!

Лао и Бин Ванмэй же были подобны статуям, находящимся в этом благоухающем саду. Если с молодым человеком все было понятно, то седовласый мужчина оставался загадкой.

Глава 5. Земли Фансинь.

Четверо человек неторопливо шагали по оживленным улицам скромной деревушки, где проходящие мимо жители с улыбкой кивали им в знак приветствия. Время близилось к полудню, пронизывающий осенний ветер пробирал до костей.

Бин Ванмэю все-таки удалось быстро разъяснить недопоминание и выйти из неприятного положения. Теперь атмосфера понемногу налаживалась, из неловкой становилась по-семейному уютной. Однако вопреки его ожиданиям Суин продолжала бросать на хрупкую девушку неодобрительные взгляды, отчего Бин Ванмэю становилось дурно.

Когда они уже приблизились к дому старосты, Бин Ванмэй вдруг вспомнил и спросил:

— Госпожа Суин, вы ведь вчера упоминали о том, что получили информацию у девушек из Фансиня?

Суин подумала минуту-другую и, вспомнив, уверенно ответила:

— Именно так. Чаще всего, чтобы продать фрукты и овощи, мы отправляемся в Фансинь.

— Значит, из всех земель именно Фансинь ближе отсюда?

Суин кивнула. Бин Ванмэй продолжил:

— Можете подсказать, насколько оно далеко?

Суин на мгновение замедлила с ответом. Переглянувшись с мужем, она уже с погасшим энтузиазмом ответила:

— Если без сна и отдыха, то можно добраться и за два дня.

Бин Ванмэй от этого ответа просто засиял. Всего два дня!

Он совсем недавно очнулся от тысячелетнего сна. Ему сказали, что его родина, которую он с таким трудом и рвением пытался защитить — уничтожена. Семья убита. Казалось бы, нет смысла идти дальше и пытаться жить нормальной жизнью.

Но у всего сущего есть смысл. У всего.

Даже у такого невезучего человека, как Бин Ванмэй, есть смысл жизни, и нить надежды: она тоньше иглы, уязвимее хрусталя, но он держится за нее, как за последнюю причину жить в этом бренном мире.

Единственная дочь Бин Синь. Единственная девочка из клана Бин, которая, возможно, жива.

Племянница Бин Ванмэя.

Когда семью Бин убили, Бин Ванмэй не нашел маленькое тельце младенца, а также слова бывшего правителя Синьфу по сей день являются единственными доказательствами возможности ее существования...

На самом деле, он всегда был наивным дураком, раз такой маленький повод заставляет его душу трепетать, давая надежду на то, что он, возможно, не один.

Суин, чуть опустив голову, сухо спросила:

— Юноша, неужели наша скромная деревушка чем-то тебе не угодила? Почему ты так сильно желаешь поскорее покинуть нас?

Старина Лао, который был к ней ближе всех, одернул супругу и извинился перед гостем. Однако ее странный вопрос, выражение лица пожилого мужчины и персиковые глаза Сюй Мэйли, полные печали, не ускользнули от Бин Ванмэя.

Бин Ванмэй и предположить не мог, что за такое короткое время они успеют так привязаться друг к другу. Он был радушно принят, как родной сын, и, скорее всего, три брата, которых он повстречал в лесу, решили помочь ему не попасться в руки Девятихвостому лису, прикрыв беспокойство восхищением. За эти три дня Бин Ванмэй ни разу не жаловался: его кормили до сыта, одевали и даже умудрялись стирать и штопать за него одежду, пока он был без сознания. При этом ни один из жителей не выразил недовольства по отношению к нему...

Вот так вот покинуть Цзиньмао было равносильно оскорблению старосте и его любимой жене, но и остаться здесь надолго он не мог.

Пытаясь притупить возникающую боль в груди, Бин Ванмэй с сожалением произнес:

— Многоуважаемые госпожа Суин и господин Лао, — он сложил руки перед собой и поклонился. — От всего сердца благодарю за тепло и кров, что вы и другие жители мне преподнесли. Если я могу чем-то вам отплатить...

Лао быстро поднял ладонь, и Бин Ванмэй замолчал. Староста, не скрывая негодования, возразил:

— О какой оплате может идти речь? Я слышал от женщин и мужчин, что ты очень им помог за эти дни. Благодарю.

— Да что вы, пустяки...

Пожилой мужчина лишь покачал головой и спокойно сказал:

— Если ты желаешь покинуть Цзиньмао, то хорошей тебе дороги. Мы подготовим все самое необходимое.

Бин Ванмэй совсем растерялся, но все-таки нашел в себе силы сказать:

— Вы слишком добры.

— Пустяки.

Господин Лао со своей супругой зашли дом. Бин Ванмэй продолжал стоять на месте. Порыв ветра пронесся мимо него, а вместе с ним в хаотичном танце закружили яркие листья. Он словил один из них, зажал пальцами, вгляделся в ярко-красную прелесть. Удовлетворенно выдохнув, он было улыбнулся, но лицо скривилось обидой. Его грудь пронзила уже забытая до тех пор тоска, к которой, как он думал, давно привык.

Бин Ванмэй еще долго не поднимал взгляда от яркого листа, погрузившись в глубокие думы, и когда почувствовал чье-то присутствие, увидел перед собой Сюй Мэйли, которая до сих пор не ушла. Он был немало удивлен, когда понял, что она стояла в тонких одеяниях несмотря на холод и, опустив голову, нервно сжимала ткань своего платья.

— Дева Сюй?..

Не успел он договорить, как девушка попыталась опуститься на колени, но ей этого не позволил Бин Ванмэй, схватив ее за плечи. Он мрачно спросил:

— Дева Сюй, что это значит?

Сюй Мэйли наконец соизволила взглянуть ему в глаза. Слезы потекли по ее бледным щекам.

— Простите меня... Простите! — она снова попыталась поклониться, но ее удерживали сильные руки, не позволяющие совершить подобное. Поэтому она закрыла лицо руками и заплакала навзрыд.

Бин Ванмэй просто опешил. Только по прошествии нескольких минут до него дошло, что та извинялась за пощечину в Обители Ангела.

Он действительно не знал, плакать ему или смеяться.

— Дева Сюй, вы серьезно продолжаете изнурять себя подобными мыслями? — стараясь сделать тон как можно мягче, странник отряхнул невидимую пыль с ее скромных одежд. — Прошу вас, не нужно переживать.

Несмотря на все уговоры со стороны потерпевшего, Сюй Мэйли, не убирая рук с лица и всхлипывая, прерывисто объяснила:

— Тогда... Тогда я заметила, что вы полностью погрузились в себя, и никак не хотели просыпаться... Я действительно переживала за вас. Я-я не справилась с эмоциями... — было видно, что она на грани того, чтобы впасть в истерику.

«И ударила именно тогда, когда я очнулся... Мое везение не знает границ!» — не мог не подумать Бин Ванмэй.

— Мне незачем вас винить. К тому же, этим вы и помогли мне.

Сюй Мэйли убрала ладони с лица, выставляя на свет все то же прелестное личико, но сейчас оно было красным, а щеки и глаза — влажными от слез.

— Я... Я правда помогла вам?

Бин Ванмэй кивнул и улыбнулся.

— И вы не злитесь?

— Не злюсь.

Сюй Мэйли аккуратно вытерла влажные щеки и взглянула ему в глаза, тихо разглядывая благородные черты. Бин Ванмэй же смотрел в ответ, но так и не смог понять, кого она ему напоминает.

Сопроводив девушку до ее дома, он отправился в свою комнату и приступил к сборам. Не было смысла задерживаться на одном месте так долго, к тому же ему было нелегко прощаться с тихой деревней, к которой он успел привыкнуть. Вещей с собой у него было немного, поэтому сборы заняли не так много времени. Когда он двинулся в путь, прихватив небольшой мешочек с вещами, приготовленными для короткого путешествия, староста неожиданно встретил его у выхода.

— Уходишь так скоро, даже не попрощавшись? — шутливо упрекнул его тот.

— Мне не стоит здесь надолго задерживаться, к тому же я чувствую перед вами вину, — честно признался Бин Ванмэй.

Лао рассмеялся, но спустя минуту успокоился и серьезно предупредил:

— Цзиньмао окружена лесом, тут без особых проблем можно заблудиться. Поэтому, юноша, прошу тебя, будь осторожен, — после паузы он добавил, — тебе ведь известно о Девятихвостом лисе?

Услышав знакомое имя, Бин Ванмэй уверенно кивнул:

— Не переживайте, господин Лао. Уверяю вас, он до меня не доберется.

— Вижу, ты уверен в себе, — пожилой мужчина усмехнулся. — Ну что ж... Удачи, надеюсь, ты когда-нибудь снова к нам заглянешь.

Он легонько похлопал молодого человека по плечу.

— Обязательно, — пройдя пару десятков шагов, Бин Ванмэй обернулся и помахал рукой, — Прощайте!

Старина Лао помахал в ответ, но стоило силуэту молодого человека скрыться в лесу, как улыбка его померкла. Вместо нее он с выражением полного сожаления заметил:

— Как похож...

***

Земли Фансинь.

Только вступив в красочные ворота, Бин Ванмэй уже в полной мере ощутил назойливый аромат цветов. Его взгляду представились различные лавки с едой и прекрасные улицы, усыпанные лепестками.

Фансинь был известен тем, что здесь предпочтение отдавали юным девушкам, а не юношам, как, к примеру, на остальных пяти территориях. Ароматическая косметика, огромные сады, усыпанные яркими цветами, и множество школ для юных девушек были лучшими в Тяньтани и признаны величайшим достоянием за десять тысяч лет.

Бывшему правителю Сюэхуна удалось побывать здесь лишь единожды. На церемонии посвящения.

Бин Ванмэй больше ничего не мог сказать про Фансинь, лишь то, что тогда он был недоволен молодым правителем, а именно Сянвэй Фу. Этот обаятельный молодой человек зачастую пользовался тем, что правил землями, полными невиданных красавиц. Были и случаи, когда он, не стесняясь, приставал к совсем юным ученицам, не достигшим и семнадцати лет. В свое время Бин Ванмэй на этой же самой церемонии застал Сянвэй Фу за распитием вина в компании нескольких хорошеньких девиц, когда тот сослался на болезнь, тем самым проявив немыслимое неуважение к кланам и правителям остальных пяти земель. После настал период «Падшего Ангела», когда выходец из клана Бин призвал на дуэль остальные кланы, которые со всей душой и сердцем презирали как Бин Ванмэя и его семью, так и весь Сюэхун.

Исход той битвы стал известен всей Тяньтани: Бин Хуая наказали, а правители остались нетронуты. Пока не явился Девятихвостый лис Линь Хэян. Должно быть, Сянвэй Фу пал от рук Хаоса Войны.

Вспомнив слова Суин, Бин Ванмэй полюбопытствовал и подошел к одной из лавочек с различным оружием. Он спросил у продавца:

— Уважаемый, я странник из далеких краев, не могли бы вы рассказать мне про нового покровителя Фансинь?

Через некоторое время мужчина поднял голову и взглянул на него с интересом. Легко улыбнувшись, он вкрадчиво произнес:

— Про тот случай мало кто осмеливается вспоминать, однако этот скромный слуга все же вам поведает. — Мужчина взял в руки один из своих мечей и, играясь с ним, продолжил: — После гибели Сянвэй Фу место правителя Фансинь заняла юная Сянвэй Бию. Народ был недоволен таким исходом и взбунтовался настолько, что уже хотел свершить самосуд и убить новую правительницу, но гость-странник — видели бы вы лица этих людей! — когда на защиту Сянвэй Бию встал сам Покровитель Солнца!

Бин Ванмэй почувствовал странную щекотку, которая легкой волной разошлась по всему телу.

Покровитель Солнца, он же Покровитель всей Тяньтани, был настолько силен и могущественен, что половина мира фактически принадлежала ему. А среди простого народа до сих ходили слухи о том, что шесть самых влиятельных кланов — его потомки от разных жен. Лица его никто до сих пор не видел, а проживает он в этом мире уже десять тысяч лет.

— Уважаемый, а вы не ошиблись случаем? Ей помог сам Покровитель Солнца? Сам Ху Ичэнь?! — не поверил Бин Ванмэй.

— Я бы сам себе не поверил, — честно признался тот. — Но после того случая Сянвэй Бию не то что не трогали, ее стала уважать и побаиваться чуть ли не вся Тяньтань.

Мужчина наконец отложил многострадальный меч и строго предупредил:

— Скажу вам, гость-странник, одно: Сянвэй Бию — чудесная правительница, и лучше бы вам это признать, пока кого-нибудь не настигла очередная Небесная Кара.

Услышав последние два слова, спину Бин Ванмэя будто прошибла молния. Он с приклеенной улыбкой поблагодарил мужчину и всерьез задумался о покупке оружия.

Юньци, безусловно, была сильной и полезной как в бою, так и в обычной жизни, однако Бин Ванмэя больше тянуло именно к мечу. Он приобрел один из таких у этого продавца за самую низкую цену и умудрился потратить большую часть средств, оставленных незнакомым доброхотом в пещере. Оружие было просто ужасным: ржавчина покрыла весь металл, и он перестал выполнять свою единственную функцию — резать, что делало его лишь бесполезным мусором. Однако Бин Ванмэя это особо не смутило, он лишь представил, как самолично заточит этот огрызок ржавого металла во что-нибудь похожее на нормальный меч и будет ходить с ним как в старые, добрые времена.

«Как мне известно, Сянвэй Бию была младшей сестрой Сянвэй Фу, и в детстве была кроткой девочкой. Если на ее стороне сам Ху Ичэнь, то, вероятно, она не так проста. — Затем, сравнив брата и сестру Сянвэй, он со вздохом заключил. — Лучше Фансинем будет править женщина».

Пока Бин Ванмэй перебирал в руке подобие меча и думал, к лавке подошла невысокая фигура, полностью облаченная в черное. Судя по телосложению, это была девушка, а приглядевшись, можно было заметить черную вуаль, скрывающую лицо. Девушка какое-то время разглядывала различное оружие и, перекинувшись с продавцом парой обыденных фраз, достала из рукава какую-то небольшую вещь, завернутую в ткань.

— Уважаемый, скажите, какого качества этот металл и его способ ковки? — спросила она.

Мужчина взял из рук девушки сверток, развернув, он двумя пальцами достал оттуда сломанный кусок меча, местами ржавого. Покрутив его перед глазами, завернул обратно и отдал владелице.

— Металл, скорее всего, с севера и он очень хорошего качества, а что насчет способа ковки... тут все неоднозначно. Похоже на стиль мастеров *Сюэхуна*.

Бин Ванмэй, которого заинтересовала небольшая беседа, тут же всполошился. Он же не ослышался? Он сказал «Сюэхун»? Меч из Сюэхуна?!

Незнакомка поблагодарила мужчину и, сунув сверток обратно в рукав своих темных одежд, развернулась и неторопливо ушла. Но не успела она пройти пару десятков шагов, как ее аккуратно окликнули и ей все же пришлось остановиться.

— Прошу прощения, — виновато начал Бин Ванмэй. — Тот мужчина сказал, что этот кусок меча из Сюэхуна. Знаю, прозвучит грубо, но позволите мне взглянуть?

Девушка прошлась по нему изучающим взглядом и, наконец встретившись с небесно-голубыми глазами незнакомца, легко кивнула.

— Вот. — Она протянула сверток Бин Ванмэю, и, когда тот с задумчивым видом начал изучать его, не удержалась от вопроса: — А чем он вас так заинтересовал? Вам что-нибудь о нем известно?

Не отрывая взгляда от куска металла, Бин Ванмэй ответил:

— Мне кажется, что уже где-то я его видел, однако не могу понять, где именно...

Брови девушки полезли наверх. Не скрывая интереса, она продолжила допрос:

— Тогда, возможно, вы и с владельцем знакомы?

— Не уверен... А кого вы ищете?

Разочарованно вздохнув, незнакомка взяла сверток и деловито произнесла:

— Воина, который был близок к клану Бин.

— Чего?! — крик Бин Ванмэя услышали все в районе одного чжана.

Прохожие, остановившись, с широко распахнутыми глазами взирали на него как на сумасшедшего. Только когда девушка убедила их, что все в порядке, они, наконец, ушли восвояси.

Бин Ванмэй не унимался:

— Остались те, кто был близок к клану Бин?

— Да, после исчезновения Бин Хуая на место правителя Сюэхуна встал его близкий подопечный — Юн Гуй. Слышали о нем что-нибудь? Его чуть ли не вся Тяньтань разыскивает.

Поперек горла бывшего правителя встал ком, слова застряли где-то внутри. Ему пришлось перебрать воспоминания одну за другой, но все оказалось тщетно — каждая была мутнее прошлой.

«По ее словам, я был очень близок с Юн Гуем, но почему я не могу вспомнить никакого Юн Гуя! — Бин Ванмэй помассировал виски. — И этот меч кажется мне знакомым... Значит, я и вправду был с ним знаком, но просто не могу ничего вспомнить...»

После протяжного вздоха он честно ответил:

— Не слышал.

— Что ж, хорошо... Всего наилучшего. — Она было направилась прочь, но внезапно остановилась и сказала: — Уважаемый, вы чистокровный долгожитель... Если проследуете за мной, то правительница обеспечит вам защиту.

Бин Ванмэю не пришлось долго размышлять о том, от кого же ему все-таки нужна защита. Разумеется, она имела в виду высокорангового демона Линь Хэяна.

Несмотря на противоречивые чувства, ситуация складывалась как нельзя удачно. У него будет шанс расспросить Сянвэй Бию о племяннице и как-то избежать встречи с людьми, с которыми он уж точно не хотел бы видеться. Именно поэтому Бин Ванмэй согласился и последовал за ней.

Дорога с новой спутницей не продлилась долго, и уже к часу собаки* они прибыли к внушающему зданию, больше напоминающему средний дворец. Украшен он был, разумеется, различными цветами: от малого до большого цветка на каждой колонне, а их разнообразию позавидовал бы даже сад самого Ху Ичэня. Также, что удивительно, запах цветов тут чувствовался не так сильно, как на других улицах Фансинь, и это бросилось в нос Бин Ванмэю, который уже начал чувствовать тошноту от этого аромата «нежных объятий».

[*Час собаки — с 23 часов до 1 часа.]

Когда они остановились у владений клана Сянвэй, девушка заговорила:

— Мы прибыли. — Обернувшись к нему, она добавила: — Я забыла представиться, меня зовут Лин Чжу.

Глава 6. Владения Сянвэй — ловушка.

Массивные двери из сандалового дерева с глухим звуком отворились. Лин Чжу вместе с Бин Ванмэем вошла во внушающее трепет здание. Несмотря на всю красоту и пафос, внутри оно оказалось гораздо скромнее, нежели снаружи, и это удивило Бин Ванмэя.

Он сумел побывать во владениях всех самых влиятельных кланов, и каждые превосходили предыдущие богатством, разными редчайшими артефактами и всем своим затмевающим других блеском. Но владения Сянвэй из «Дворца золотых цветов» превратились в самую настоящую библиотеку!

Свитки и книги заполонили все здание, а посередине этого завала виднелась фигура девушки в черном. Она сидела на возвышенном троне, от которого вела лестница из белого нефрита. Прикрыв ладонью лицо, она читала какой-то свиток и не сразу заметила гостей. Лин Чжу, поднимаясь вверх по лестнице, громко объявила:

— Тетя, я пришла.

Сянвэй Бию наконец подняла голову, и оказалось, что ее лицо также скрыто под черной вуалью. Черные, как смоль, волосы были аккуратно закреплены заколками в виде золотых бабочек — символ клана Сянвэй — иссиня-черные глаза, под которыми легли темные круги, оживились, как только она увидела Лин Чжу.

«Тетя?» — удивился Бин Ванмэй, который остался стоять на месте.

— Чжу-эр! Подойди-ка сюда, у меня срочное поручение... — воскликнула правительница, от спешки не заметив неизвестного.

Лин Чжу устало выдохнула, принимая свиток из рук Сянвэй Бию.

— Тетя, какое еще поручение? Я ведь с пропажей девушек в Хуаюане еще не разобралась.

— Нам придется на время оставить это дело... А кто это? — в недоумении спросила Сянвэй Бию, наконец обратив внимание на незнакомца. Тот, в свою очередь, почтительно поклонился, выставив руки перед собой.

К Лин Чжу подошли молоденькие помощницы и помогли снять верхние одежды, открыв взору Бин Ванмэя длинные, объемные волосы, собранные в свободный нижний хвост, закрепленный заколкой-бабочкой. Больше всего удивлял их цвет: на макушке и концах образовался интересный оттенок розово-пурпурного, который плавно переходил к белому посередине.

Бин Ванмэй уставился на эту диковинку с особым интересом. Несмотря на то, что он проспал тысячу лет, ему все же удалось очень многое повидать, но такое он точно видел впервые. Когда они обменялись взглядами, он сразу обратил внимание на ее зрачки — они были черными, самыми обычными. Теперь же, глядя на такой необычный цвет волос, он мог лишь предположить, что Лин Чжу — полукровка.

Лин Чжу тем временем ответила:

— О, это странник, которого я встретила, когда расспрашивала про меч Юн Гуя. — Она наклонилась к уху правительницы и что-то шепнула.

Сначала лицо Сянвэй Бию оставалось задумчивым, но потом ее брови приподнялись в легком изумлении. Когда Лин Чжу отошла, она кивнула.

— Что ж, хорошо... — она обратилась к Бин Ванмэю. — Молодой человек, как ваше имя?

Бин Ванмэй не стал повторять одну и ту же ошибку, поэтому, чуть замедлив, ответил:

— Тан Болин, Ваше Превосходительство.

Сянвэй Бию скрестила пальцы и, приняв прямую позу, заявила:

— Тан Болин, мы обеспечим вас всем самым необходимым, но взамен вы поможете нам с одним заданием.

Лин Чжу уловила недоумевающий взгляд Бин Ванмэя и сама, будучи в таком же потрясении, воскликнула:

— Тетя!

Однако правительница лишь подняла свою изящную руку, заставляя племянницу замолчать, и виновато произнесла:

— Я понимаю. Если Тан Болин не робок и способен себя защитить, то, вероятно, это не составит для него труда?

Все присутствующие смотрели на Бин Ванмэя в ожидании ответа. Тот же с легкой усмешкой думал над тем, что Сянвэй Бию определенно не так проста. Ей было известно, что он чисто-

кровный долгожитель, а долгожители помимо долголетия обладали еще стойкостью и ускоренной регенерацией, которой не обладали обычные люди. Даже в случае ранения он не мог бы так быстро умереть, и для правительницы это было лишь на руку. Также последний вопрос был риторическим, потому что Сянвэй Бию была уверена, что Бин Ванмэй согласится, ведь иначе он бы подтвердил, что «робок и не способен себя защитить». Будь на его месте другой мужчина, это подействовало бы, но здесь был Бин Ванмэй. И он не попался на провокацию.

Небольшая игра от Сянвэй Бию развеселила его, и прежде чем дать ответ, он сказал:

— Ваше Превосходительство, давайте потом вернемся к этому вопросу. Сначала я бы хотел спросить... У меня к вам всего два вопроса.

Сянвэй Бию кивнула, и Бин Ванмэй продолжил:

— Что стало с дочерью Бин Синь?

Сянвэй Бию не пошевелила даже бровью, когда спокойно ответила:

— О ней ничего не известно. Ее и Юн Гуя разыскивают с того момента, когда пал Сюэхун. Предположительно, мертва.

Бин Ванмэй кивнул и принял информацию с хладнокровием. Скрепя сердце, он задал второй вопрос:

— Расскажите мне поподробнее о Девятихвостом лисе. Чем он опасен?

Сянвэй Бию и Лин Чжу многозначительно переглянулись. Правительница с долей иронии заметила:

— Вот уж правда, людские рты не закроешь... — Выдохнув, она предоставила весьма скудную информацию. — Девятихвостый лис, или же Линь Хэян, демон, которому подвластны сны и тени. Частично получил свою силу от Чжаньчженя — одного из трех самых могущественных темных зверей. Линь Хэян часто гуляет по темному лесу вместе с Чжаньчжень...

Бин Ванмэй удивленно вытаращил глаза.

— Подождите... вы сказали с белой лисицей? Я встретил одну недавно...

Не успел он договорить, как по большому зданию эхом пронесся звук от хлопка по столу. Оказалось, что это Сянвэй Бию вскочила со своего места и хлопнула свитком, который читала.

— Вы встретили Чжаньчженя?!

— Я не уверен...

Странник коротко поведал девушкам о том, что видел в лесу, утаив кое-какие детали.

— Тан Болин, скажите... А у нее были три красные точки на лбу?

— Я таких не увидел, Ваше Превосходительство.

Сянвэй Бию тяжело опустилась обратно и устало помассировала переносицу. Лицо ее стало мертвенно-бледным, а дыхание участилось. Лин Чжу смотрела на нее с абсолютным равнодушием.

— Что ж... Ступай, служанки предоставят тебе женскую одежду. — спустя какое-то время объявила правительница и вновь погрузилась в изучение свитков.

— Женскую одежду?

Лин Чжу спустилась к нему и потащила за собой, на ходу спрашивая:

— У вас хорошее телосложение, занимаетесь боевыми искусствами?

— Вы правы, — подтвердил Бин Ванмэй, оглядываясь по сторонам. — Раньше я часто тренировался с мечом, сейчас на это не хватает времени.

— Это хорошо, вы сможете себя защитить... Вы ведь согласны? Поручение не сложное, главное — узнать информацию. Не волнуйтесь, без награды вы не останетесь.

Бин Ванмэй решил не отвечать, поскольку правительницу Фансинь, судя по всему, мало волновало его решение, но и отказываться он не хотел. Деньги все же были нужны, и так было бы легче ориентироваться в Фансине.

Очень скоро его привели в скромную комнату, где вслед за Лин Чжу заскочили несколько служанок с горящими от любопытства глазами. Не успел он осознать, что происходит, как Лин Чжу ушла, пожелав ему удачи. Служанки же подхватили Бин Ванмэя под локти и, лукаво смеясь, усадили за небольшой столик.

Прошло время, за которое сгорает одна палочка благовоний, и Бин Ванмэй уже стоял посередине комнаты в сиреневом наряде и смотрел на себя в зеркало.

— Это действительно...

— «Хорошо выглядит»? — продолжила за него одна из служанок, лукаво хихикнув.

— Господин Тан, вам и впрямь так идет! — воодушевленно воскликнула другая служанка, поправляя подол его одеяний.

Бин Ванмэя вновь посадили за небольшой туалетный столик, а служанки приступили к последнему этапу. В темной комнате тихо потрескивали свечи, одна из них освещала бледное лицо прекрасной «девы Тан». Ясный взгляд голубых глаз встретился с небольшим зеркалом именно в тот момент, когда служанка наносила на тонкие белые губы ярко-красную помаду. Легкий дым от благовоний окутал Бин Ванмэя и двух девочек, что весело заплетали ему прическу. Свет от свечи играл с их лицами, частично мелькая.

Когда служанки закончили с приготовлениями, комнату заполонили восхищенные вздохи и яркий женский смех.

— Гляньте, какая у нас получилась красавица! — похлопала в ладоши одна из девочек.

Бин Ванмэй вновь взглянул в зеркало и обомлел.

В бронзовом зеркале отражалась невероятной красоты девушка. Глаза были подчеркнуты чем-то оранжевым, а губы и метка на лбу в виде маленького цветка особенно выделялись на лице из-за своего ярко-красного цвета.

«Хуадянь*» — констатировал странник и покрутился перед своим отражением.

[Хуадянь (кит. ##, huādiàn, букв. «цветочный орнамент») — декоративный элемент, наносимый на лоб (между бровями), иногда на виски или щёки.]

Длинные волосы были распущены и закреплены шпилькой с золотым цветком груши, белоснежные локоны мягко струились по плечам, сочетаясь с нежным сиреневым нарядом.

Девушки скромно стояли в сторонке и любовались, и немного напряглись, когда Бин Ванмэй тихо выдохнул.

— У вас золотые руки... Это выглядит потрясающе. — с восхищением сказал он.

Мастерство служанок и впрямь было невероятным. Они каким-то образом сумели сгладить черты его лица, сделав их мягче, больше напоминающими женские. И прическа, и наряд были подобраны идеально так, что у любого не оставалось бы сомнений на его счет. Было только две проблемы: голос и рост. Хотя во втором случае можно было объяснить, что некоторые девушки рождаются высокими, первое оставалось проблемой.

Пока Бин Ванмэй думал над этим, двери в покои отворились, и в комнату вошла фигура в черном. Как оказалось, это была Лин Чжу. С той же вуалью на лице она кивнула служанкам, и те, кротко поклонившись, вышли. В полутемной комнате наедине остались два человека. Лин Чжу без лишних слов достала из рукава что-то очень маленькое. Бин Ванмэй, приглядевшись, узнал в этой малютке зеленую пилюлю.

— А это...

— Эта пилюля изменит ваш голос. — монотонно произнесла девушка, разглядывая его с ног до головы. — Вам в любом случае придется расспросить людей.

Бин Ванмэй легко кивнул и, без лишних вопросов взяв из ее рук пилюлю, закинул в рот.

Спустя минуту-другую он заговорил мелодичным женским голосом:

— Я готов. Что нужно делать?

Но Лин Чжу лишь покачала головой и промолчала. До Бин Ванмэя дошло не сразу, и стоило ему осознать свою ошибку, как он, прочистив горло, поправился:

— Я готова. Что нужно делать?

На этот раз Лин Чжу довольно кивнула, и странник заметил тень улыбки в ее малиновых глазах.

— Ну, во-первых, вам, Тан Болин, теперь же Тан Юйлань, нужно сделать все быстро. Эффект от пилюли продлится всего несколько дней, а второй у меня нет.

Бин Ванмэй кивнул, а Лин Чжу продолжила:

— Во-вторых...

Преемница вкратце рассказала новоиспеченной о деталях поручения.

Дела обстояли до абсурда просто: пропадали куртизанки из квартала Хуаюан. Несчастные таинственным образом исчезали во время услуг вместе с клиентами, но последних находили в жалком состоянии, зато живыми. Очевидцы утверждали, что девушек до сих пор не нашли, а на месте пропажи люди постоянно видели куски дерева и много, очень много крови.

Глава 7. Квартал Хуаюан.

После получения необходимой информации, Бин Ванмэй в сопровождении нескольких подручных служанок отправился в путь. Пока шла подготовка, настал час крысы*. Как бы странным это ни казалось, но именно в это время квартал Хуаюан был оживленнее всего. По наказу Сянвэй Бию «деву Тан Юйлань» отправили в великолепном паланкине, по бокам которой шла прислуга. Выдуманная Лин Чжу история была такова: Тан Юйлань, будучи не единственной, но самой красивой дочерью, была продана отцом в Хуаюан для продвижения бизнеса. Поскольку девушка молода и невероятно прекрасна, она может стать дивным способом заработка для алчных родителей.

[*Час крысы — с 23 часов до 1 часа ночи.]

Правительница обещала обеспечить Бин Ванмэя всем самым необходимым, чтобы задание прошло гладко и убийцу хотя бы нашли. Когда Бин Ванмэй упомянул о поимке, Сянвэй Бию покачала головой и предупредительно изрекла: «С этим уже разберемся мы, не стоит лишний раз жертвовать собой. Неизвестный успел убить больше сотни несчастных девушек, за этим делом стоит явно не самый слабый демон или дух».

Бин Ванмэй раз за разом прокручивал в голове ее слова, и каждый раз не желал мириться. Больше сотни девушек, а убийцу еще не поймали? Сколько еще должно быть жертв, чтобы за дело взялись всерьез? Он еще припоминал, что Сянвэй Бию собиралась отложить это поручение, но на ее счастье вовремя пришел Бин Ванмэй.

Спустя час безостановочной езды Бин Ванмэю надоело сидеть на одном месте, потому он выглянул из паланкина и спросил у служанки:

— Долго еще?

— Госпожа Тан, прошу вас, потерпите. Мы уже совсем близко. — мягко попросила девушка.

Бин Ванмэй послушался и залез обратно. Ни эта служанка, ни другие его слуги, предоставленные Сянвэй Бию, не знали о том, что он мужчина. Это было своего рода осторожностью со стороны Сянвэй Бию, чтобы уж точно ничто не могло раскрыть его и спугнуть убийцу. Паланкин вдруг остановился, и одна из служанок заголосила:

— Госпожа, мы прибыли.

Бин Ванмэю помогли выйти, и только вступив на землю, он почувствовал знакомый запах, который оказался настолько едким, что у него в тот же миг закружилась голова, и он чуть было не свалился на поддерживающую его девушку.

Благовония «Нежные объятия» были особо популярны именно в Фансине. Жители считали, что этот аромат помимо своего приятного запаха имеет также омолаживающий эффект. Поэтому чаще всего именно женщины, не жалея средств, зажигали таких по пять штук в своих домах. Учитывая еще то, что Хуаюан являлся «цветником», эта вонь была повсюду.

Миловидная девушка, которая удерживала его за локоть, обеспокоенно спросила:

— Госпожа, вам плохо? Привести лекаря?

Бин Ванмэй лишь отрицательно покачал головой и, пытаясь самостоятельно удержаться на ногах, уверил ее:

— Все в порядке... Просто в паланкине укачало...

По прошествии нескольких минут ему все же удалось немного привыкнуть к назойливому аромату, и он зашагал в сторону самого большого здания во всем квартале.

Большое здание из красного сандалового дерева было украшено различными вырезками в виде ивовых лоз. Рядом с основными дверями были повешены два больших бумажных фонаря, которые ярко мелькали веселым оранжевым цветом, разгоняя темноту. На табличке сверху виднелась надпись: «Рубиновый дом».

Концентрация скверной энергии здесь была невероятно большой!

Прежде всего Бин Ванмэй решил осмотреться. Хоть была уже ночь, вся улица была расставлена фонариками и масляными лампами, отчего было светло как днем. Прохожими чаще всего были мужчины, богатые и не очень, но к Рубиновому дому последние не подходили слишком близко, поскольку это заведение было самым элитным во всем Хуаюане. Сюда, в основном, за компанией первоклассной куртизанки наведывались престижные чиновники и богатые купцы со всех земель — другие попросту не смогут купить столь дорогую услугу.

Бин Ванмэй отвлекся и не сразу заметил служанку, которая почему-то начала дергать его за рукав.

— Что такое? — озадаченно спросил он.

— Госпожа, на вас все смотрят... — девушка, словно маленькая мышка, спряталась за спину своей «госпожи».

— А? — он наконец поднял взгляд и заметил, что большинство из прохожих мужчин остановились и бесстыдно таращились на него. Ему в тот же миг показалось, что по спине пробежали насекомые, и, не теряя ни секунды, он вместе со всей прислугой зашел в дом. Стоило им зайти за порог, как Бин Ванмэй спросил «маленькую мышку»: — Раз нас не встретили, ничего, если мы сами войдем?

— Я не знаю, госпожа... — кротко ответила та.

Не успел ее голос стихнуть, как послышался скрип досок. Им навстречу вышла женщина сорока пяти лет, в темно-пурпурных одеяниях, с лицом черепашки. Рядом с ней, аккуратно ступая, как лепесток на ветру, молодая девушка невероятной красоты. Ее ярко-красные губы были чуть приподняты в добродушной улыбке, а глаза излучали чистое, невинное любопытство. Одежды красавицы были так великолепны, что Бин Ванмэй на ее фоне выглядел жалким оборванцем.

Пожилая женщина уверенно подошла к Бин Ванмэю и начала рассматривать его лицо. Выглядела она при этом невероятно воодушевленно.

— Ох, такая красавица попалась нам в руки за гроши! — от радости она даже подпрыгнула, огромный слой макияжа так и посыпался с ее морщинистого лица. — Я хозяйка этого публичного дома, меня зовут мадам Цзинь, но ты должна называть меня Матушкой. А это, — она продемонстрировала девушку рядом с собой, — Цзинь Юйтун, она же моя преемница. Вы еще успеете подружиться, но сейчас у нас мало времени.

Цзинь Юйтун улыбнулась шире, внимательно разглядывая Бин Ванмэя. Тот кивнул и попытался сосредоточиться на мадам Цзинь.

— Я была занята приготовлениями к прибытию наших дорогих гостей, потому и припозднилась, а твое обучение, красавица, нужно начать как можно скорее. — Мадам Цзинь взяла бледную руку Бин Ванмэя в свою и аккуратно похлопала по ней второй, в знак своеобразной поддержки. — Все в порядке, ты привыкнешь. Юйтун и Сюанье позаботятся о твоем обучении. А теперь иди и осмотрись, чтобы в будущем не потеряться. — она обернулась к тихо стоящей Цзинь Юйтун. — Юйтун, проводи ее.

— Как пожелаете, Матушка.

Бин Ванмэй не мог не удивиться. Что только что он услышал? Столь мелодичный и нежный голос отнюдь не мог принадлежать обычному человеку, скорее какой-нибудь сирене из местных легенд. Мадам Цзинь сказала, что Цзинь Юйтун ее преемница, а значит, та являлась второй женщиной по влиянию после самой хозяйки. И все же, не считая этого, было ясно, что Цзинь Юйтун с ее бархатным голосом и завораживающей красотой была первоклассной проституткой.

Когда Цзинь Юйтун подошла ближе, Бин Ванмэй против воли посмотрел на ее тонкую, белоснежную шею и пышную грудь, которой даже столь роскошным одеждам не удалось скрыть. Он сразу отвернулся и, пытаясь унять проснувшуюся совесть, осторожно спросил:

— Неужели я сразу начну принимать... гостей?

Его прервал удивленный вздох хозяйки:

— Ну конечно нет! — подумав, она наконец решила. — Тут не лучшее место, тебе объяснят в твоих покоях.

Цзинь Юйтун плавным взмахом руки подала знак, и Бин Ванмэй послушно последовал за ней. Они проходили комнаты одну за другой, в которых жили проститутки. Рубиновый дом оказался на редкость просторным и мог вместить в себя около сотни девушек и еще сотню клиентов.

Остановившись перед темно-синей дверью, Бин Ванмэй прочел табличку с надписью: «Инь Сюанье». Кажется, мадам Цзинь упоминала кого-то с таким именем?

Цзинь Юйтун без лишних слов поняла, о чем он думает, и мягко объяснила:

— Комната сестрицы Инь. Сейчас она не здесь.

Бин Ванмэй поблагодарил ее, как тут же заметил приближающиеся фигуры двух девушек: одна была в красных одеждах, другая — в голубых. Цзинь Юйтун тоже увидела их, и ее лицо озарилось облегчением. Она сказала:

— Ту, что в красном, зовут Сун Баочжай. Она очень популярна в Рубиновом доме, но будь с ней аккуратна. А та, что в голубом, — Лань Мончоу, наша младшая сестрица. Ей всего восемнадцать.

— Сестрица Цзинь! — радостно поприветствовала Лань Мончоу. Когда она заметила Бин Ванмэя, то ее лицо засияло ярче полуденного солнца. — А это же наша новая сестрица Тан?

Проходящие мимо них девушки невольно вздрагивали при виде Сун Баочжай и спешили скрыться где-нибудь за углом. Некоторые же девушки, завидев Лань Мончоу рядом с ней, наоборот, осмеливались с любопытством пялиться на «новенькую».

Сун Баочжай остановилась перед Бин Ванмэем и, оценив его с ног до головы, раздраженно закатила глаза.

— Очередная полукровка, к тому же неопытная. Через пару дней банкет, а она даже не обучена, на что рассчитывала Матушка?

Цзинь Юйтун лишь мягко покачала головой.

— Поэтому мы и должны научить ее. Баочжай, ты ведь тоже не была опытной, когда попала сюда.

— Когда я попала сюда, мне было всего десять лет. — мрачно напомнила та.

Цзинь Юйтун промолчала, но улыбка не слезла с ее лица.

Поглаживая руку Сун Баочжай, Лань Мончоу смущенно улыбнулась новоиспеченной:

— Все в порядке, не волнуйся, сестрица Сун не хотела обидеть тебя. Сестрица Цзинь, мы проводим ее?

— Пожалуйста, Мончоу. — кивнула та.

Бин Ванмэя привели в невероятных размеров комнату. На фоне скромных вещей выделялось лишь большое алое ложе, видимо, в первую очередь для сна, а во вторую — для плотских утех.

Лань Мончоу радостно хлопнула в ладоши, после чего получила недовольный взгляд со стороны Сун Баочжай.

— Твое имя ведь Юйлань, верно? Тан Юйлань.

— Да.

— Тан Юйлань, ты просто красавица! Должно быть, дорога утомила тебя. Не хочешь чаю? Ты голодна?

Бин Ванмэй растерянно смотрел то на нее, то на Сун Баочжай, которая, судя по всему, мысленно сыпала проклятиями и его, и всех его будущих потомков (если, конечно, они у него будут).

— Не нужно, спасибо за заботу... Сестрица Лань?

— Правильно! В Рубиновом доме мы все сестры, а мадам Цзинь — наша Матушка. Сестрица Цзинь, похоже, уже успела тебя со всеми познакомить.

Бин Ванмэй спросил:

— О чем говорила сестрица Сун? Про какой-то банкет...

Глаза Лань Мончоу тут же заблестели, когда она пролепетала:

— Банкет в честь приезда столичного инспектора Фэна. В Рубиновом доме особые правила. Каждую неделю дом принимает толпу из элитных гостей — это мы и называем банкетом — и девушки должны веселить их беседой, разливать вино, играть или танцевать. Если какой-то гость заприметит одну из наших сестриц, он может назначить встречу и лично провести время с приглянувшейся красавицей.

Бин Ванмэй ненадолго задумался. Концентрация скверной энергии в Рубиновом доме была большой, не было сомнений в том, что убийца скрывается здесь... Но когда же он объявится? Разве шумный банкет — не самое удачное время?

Он прямо спросил:

— Говорят, что в Хуаюане объявился убийца... Вы слышали об этом что-нибудь?

Девушки обменялись взглядами: Лань Мончоу — беспокойным, Сун Баочжай, напротив, — колючим.

— А что? — неожиданно мягко сказала Сун Баочжай. — Боишься умереть?

Лицо Лань Мончоу в тот же миг заметно утратило свой цвет. Она встрепенулась, пытаясь оградить Бин Ванмэя от беспощадной анаконды в лице Сун Баочжай.

— А-Чжай, ну зачем ты так!

Бин Ванмэй вдруг отрезал:

— Не боюсь. С чего бы? Мне просто интересно.

Красные уголки губ Сун Баочжай приподнялись в полуулыбке, а плечи немного расслабились.

— Тогда слушай внимательно: за прошедший месяц было убито больше десяти девушек — и это только в Рубиновом доме. Мы не знаем, что происходит в других домах, но ясно, что какой-то сумасшедший ублюдок решил ни с того ни с сего убивать ни в чем не повинных девушек... Знаешь, что самое интересное?

Бин Ванмэй слушал внимательно, затаив дыхание.

— Что?

— Он убивает только беременных проституток.

Бин Ванмэй от таких известий открыл рот в немом шоке. Только беременных проституток? Убил больше десяти девушек за месяц? И сколько же это безумие продолжается?! Сянвэй Бию говорила о сотне девушек, но разве такие зверства могли остаться незамеченными? Почему же никто ничего не предпринимает...

Его захлестнула глухая ярость, которую он скрыл за наигранным страхом:

— Правда? Это действительно так?

Лань Мончоу медленно кивнула, пытаясь унять дрожь в руках. Было видно, что о последних событиях она хотела слышать в последнюю очередь. Сун Баочжай же, шагая по комнате из стороны в сторону, продолжала яростную тираду:

— Наших сестер убивают, а вместо траура объявили банкет в честь вонючего старика, у которого даже нормально не встает в постели. Будь моя воля, я бы сожгла дотла весь его дом вместе с ним заодно!

— А-Чжай, не при Тан Юйлань. Она может неправильно нас понять...

— Тогда пусть понимает! — ее яростный взгляд метнулся обратно к Бин Ванмэю. — Ты поняла? Ты можешь сдохнуть в любую секунду, стоит только моргнуть. Никто не спасет тебя, никто не поможет тебе, слышишь? Это не рай, а логово зверя, куда он приносит своих несчастных жертв. И если жертва не адаптируется — ее ждет смерть. Каждая из нас выживает по-своему, не думай, что кто-то будет скорбеть по тебе, если твой труп найдут в какой-нибудь грязной канаве.

На этот раз Лань Мончоу не попыталась остановить ее. Пусть жестокие, пусть беспощадные, но слова Сун Баочжай были правдивы — Бин Ванмэй понял это сразу по поведению здешних женщин. Их просто приручили, как скот.

В ту ночь Бин Ванмэй заснул сразу, как только голова коснулась подушки. Подготовка и размышления о возможном убийце отняли у него все силы.

На следующий день его разбудила, как неудивительно, Лань Мончоу с подносом в руках, который она поставила на небольшой столик. Бин Ванмэй с трудом разомкнул глаза и сонно спросил:

— Что-то случилось?

— Нет, что могло случиться? Я просто принесла тебе свежий чай.

Бин Ванмэй принял из ее рук чашку и неспешно пригубил ароматный напиток. Съев конфету, он спросил:

— Когда начнется мое обучение?

Лань Мончоу улыбнулась:

— Сейчас. Тебя ждет сестрица Инь.

В другой комнате его ожидала Инь Сюанье, одетая в темное, расшитое жемчужинами платье. Ее глаза были холодны, как ночной иней. Одарив Бин Ванмэя равнодушным взглядом, она без лишних слов приступила к обучению.

Бин Ванмэй никогда в своей жизни не мог представить, что одно занятие обитательниц цветочных домов сможет вытрясти из него душу. Уже после нескольких часов он чувствовал себя дряхлым стариком с больными ногами. У Инь Сюанье, как оказалось, вместе с дружелюбием отсутствовало и милосердие. Не давая ни минуты для отдыха, она раз за разом повторяла:

— Выпрями спину и сделай один шаг вперед так, чтобы твои бедра плавно качались в такт шагу.

Бин Ванмэй повторил все, что она сказала, но в ответ получил лишь:

— Неправильно. Повтори так еще десять раз, если сделаешь ошибку — то двадцать.

В какой-то момент Бин Ванмэй не выдержал и, пытаясь выровнять сбившееся дыхание, сказал:

— Ты смерти мне желаешь...

— Да, ведь отдохнуть ты сможешь только после смерти, а теперь меньше говори и больше двигайся.

Цзинь Юйтун, стоявшая все это время неподалеку, тихо усмехнулась. Она напомнила:

— Сюанье, достаточно. Дальше ей займусь я. Тебя ждет гость.

Инь Сюанье лишь хмыкнула и, позволяя Цзинь Юйтун поправить шпильку в своих темных волосах, заметила:

— У нее хорошие бедра. Если она когда-нибудь выберется отсюда и сможет выйти замуж, то родит кучу детей.

Притупив раздражение, Бин Ванмэй решил не зацикливаться на этом, ведь из уст этой куртизанки эти слова звучали как самая ценная похвала. Проводив Инь Сюанье, Цзинь Юйтун подошла к нему и мягко коснулась его локтя.

— Ты, должно быть, устала. Я научу тебя некоторым движениям, и сегодня на этом закончим, идет?

Бин Ванмэй даже не успел облегченно выдохнуть. На деле Цзинь Юйтун оказалась куда хуже Инь Сюанье. Со своим добродушным нравом и ужасно выматывающим обучением она окончательно выжила из него остатки сил.

В комнату он пришел поздно ночью. Ни об убийце, ни об обитательницах он ничего не узнал и вырубился сразу же.

В последующие дни его обучение продолжалось, но на сей раз там присутствовала мадам Цзинь, которая, кажется, действительно желала отправить его на тот свет. Инь Сюанье учила чайной церемонии и искусству соблазнения, Цзинь Юйтун — танцам, а Сун Баочжай с Лань Мончоу каждый день объясняли ему правила Рубинового дома. В основном с ним говорила Лань Мончоу, которой беседа с новенькой веселила до слез, ведь каждый раз учеба превращалась в чаепитие со сплетнями.

За день до банкета Бин Ванмэй уже знал все, что нужно каждой куртизанке. Сидя в своей комнате на втором этаже вместе с Лань Мончоу, он неожиданно услышал какие-то звуки и насторожился. Неужели убийца решил действовать сейчас? За эти пару дней не произошло ничего из ряда вон выходящего, и даже когда он расспрашивал других обитательниц Рубинового дома, то не узнал ничего нового. Девушки относились к нему с очевидным презрением, не желая близко общаться, то ли из-за некой дружбы с Сун Баочжай, то ли из-за соперничества.

Лань Мончоу с беспокойством произнесла:

— Что там происходит?

Спустившись на первый этаж, они застали бледную девушку, которая тяжело дышала, обливаясь холодным потом. Заметив ее, Лань Мончоу воскликнула:

— А-Сян?! Что случилось?

Одна из девушек было открыла рот, но стоило ей увидеть Бин Ванмэя, как ее лицо скривилось недоверием. Она промолчала.

Бин Ванмэй проигнорировал странные взгляды в свою сторону и, присев на корточки перед А-Сян, проверил ее пульс. Через минуту он констатировал:

— Она в порядке, но кажется... — он не решился сказать вслух то, что вертелось на уме. Одной проверки пульса не хватало для полной картины, но главным было то, что она здорова.

— Что с ней? Почему вы не говорите? — недоумевала Лань Мончоу, глядя на сестер, но те продолжали мрачно молчать.

Послышались быстрые, невесомые шаги, от которых лица обитательниц Рубинового дома мгновенно побледнели. Подобно настигающему бедствию, Сун Баочжай возникла перед ними за мгновение ока.

— Разве Мончоу не спросила вас, что случилось с А-Сян? Ваш рот семенем наполнен?

Бин Ванмэй от таких слов чуть не поперхнулся, но, оценив раскрасневшиеся лица куртизанок, лишь слабо улыбнулся.

— А-Сян стало нехорошо... — промямлила одна из них.

— Что именно с ней произошло? — все с таким же властным тоном отчеканила Сун Баочжай. — Говори, если не хочешь отправиться к праотцам.

— Ее вырвало. Она со вчерашнего дня ничего не может есть из-за тошноты. — наконец прозвучал ответ.

Бин Ванмэй в тот же миг нахмурился, понимая, что не ошибся в догадках. А-Сян беременна... И находится в большой опасности. Перед тем как отправить А-Сян в ее комнату вместе с девушками, он обвязал ее руку красной нитью, наполненной духовной энергией. Если нить порвется, это будет означать, что рядом с девушкой находится нечестивое существо, и Бин Ванмэй через духовную связь поймет, что ей угрожает опасность. Мадам Цзинь привела лекаря, и за А-Сян всю ночь следили куртизанки.

Поняв, что его помощь здесь больше не нужна, он попрощался с Лань Мончоу и отправился в комнату. Закрыв дверь, он плюхнулся на ложе и прикрыл глаза. Убийца определенно скрывался где-то в Рубиновом доме, но из-за концентрации энергии Инь он не мог отыскать конкретное место даже с помощью Юньци. Проблемы доставляло еще и то, что одна из девушек была беременна и могла стать следующей жертвой. Единственное, что ему оставалось сделать, — это дождаться банкета и словить ублюдка до того, пока еще кто-нибудь не пострадал. Он заснул беспокойным сном.

В это же время в комнате мадам Цзинь тускло мерцала одинокая свеча, нечетко отражая красивые черты лица Цзинь Юйтун. Она стояла напротив мадам Цзинь и, сложив руки в почтительном жесте, улыбалась.

— Матушка, вы желали меня видеть?

Мадам Цзинь смерила ее оценивающим взглядом и ответила вопросом на вопрос:

— Как проходит обучение Тан Юйлань?

— Вы же сами присутствовали на наших занятиях. Она очень старается и многому научилась.

— Я имею в виду, — нетерпеливо сказала она, — сможет ли она принимать клиентов.

Улыбка Цзинь Юйтун чуть померкла, когда она монотонно ответила:

— Я понимаю ваши опасения, Матушка, но вы должны учитывать, что Тан Юйлань новенькая и пока не знает всех тонкостей соблазнения мужчин. Однако просто присутствовать на банкете и временами разливать алкоголь, привлекая новых клиентов, она сможет, и вы можете на это рассчитывать. — подумав немного, она добавила: — По красоте она может равняться с самыми элитными куртизанками во всем Хуаюане, вам не о чем беспокоиться.

Мадам Цзинь помассировала виски и с раздражением выплюнула:

— Очень надеюсь на это, ведь с каждым разом наших девушек становится все меньше, а достойных можно по пальцам пересчитать. Ты, Сюанье и Баочжай — единственные, на кого опирается весь Рубиновый дом. А от мерзавки А-Сян скоро и следа не останется, этот позор должен быть уничтожен до того, как слухи об этом разойдутся по Хуаюану.

Цзинь Юйтун молчала.

***

Час быка.

В главном зале Рубинового дома стояла веселая и праздничная атмосфера. Несколько дивных красавиц кружились в плавном танце, другие сидели на полу и играли на музыкальных инструментах. Их белоснежные тонкие пальцы с ловкостью перебирали струны, сопровождая танец трепетными нотами и каплей кокетства. К аромату благовоний прибавился различимый запах алкоголя. Слышались громкие обсуждения и смех знатных господ — их грубые, низкие голоса отзывались звоном в ушах.

Бин Ванмэй сидел за столом и пил чай, попутно осматривая гостей, однако, к сожалению, ничего необычного он не заметил. Лань Мончоу хлопотала в зале, разливая вино, а Сун Баочжай уже скрылась в комнате вместе с каким-то пьяным мужчиной. Цзинь Юйтун и Инь Сюанье не присутствовали на банкете, что казалось странным.

Разочарованно вздохнув, он сделал очередной глоток горячего чая. Его не покидало чувство, что на него пристально смотрят. Подняв голову, он внезапно встретился взглядом с красивым мужчиной, который не сводил с него хитрых глаз. Бин Ванмэй вздрогнул, когда к нему подскочила мадам Цзинь и, наклонившись, прошептала:

— Смотри, за тем столом сидит и скучает молодой господин. Он невероятно красив! Тебе не стоит сидеть здесь в одиночестве. Поговори с ним, предложи вино или закуски. — она сунула в руки Бин Ванмэя кувшин и поторопила: — Ступай!

Обреченно выдохнув, Бин Ванмэй решил не тянуть и подошел к молодому человеку. Он аккуратно приблизился к нему со спины и с легкой улыбкой на губах мелодично спросил:

— Молодому господину налить еще вина? Не стесняйтесь... — когда он наклонился, чтобы заполнить чарку, мужчина внезапно схватил его за руку. Его лицо помрачнело, когда он напомнил: — Господин, куртизанок трогать нельзя. Вам сначала нужно заплатить.

Бин Ванмэй пробежался взглядом по своей кисти, которую несильно держала мужественная рука в черных перчатках. Он терпеливо ждал его действий с настороженностью.

Мужчина медленно повернул голову и с легкой усмешкой на губах посмотрел Бин Ванмэю прямо в глаза.

Его кожа была безупречно гладкой, а черты лица — четкими, будто высеченными искусным мастером. В глубине сиреневых глаз таилась едва уловимая хитринка, а улыбка, тонкая и лукавая, напоминала лисью. Длинные темные волосы, в которых, казалось, могла скрыться ночная темень, были собраны в аккуратный пучок. Черные одеяния подчеркивали силуэт, а вышитые серебром оскаленные тигры словно оживали при каждом движении.

— Рукав.

— Что? — опешил Бин Ванмэй, который был мгновенно очарован красивым лицом.

— Ты чуть не испачкала рукав. — все с той же улыбкой ответил неизвестный господин и деликатно отодвинул от стола чужую руку. — Осторожнее, барышня.

— Ох... — Бин Ванмэй поклонился и растерянно произнес: — Простите эту неуклюжую служанку...

Однако мужчина лишь махнул рукой и, смерив его любопытным взглядом с ног до головы, промолвил:

— Как можно в чем-то обвинить такую красавицу? — играясь с серебряной чаркой, он со смехом предложил: — Может, дивная барышня составит компанию этому скромному господину? Заплачу столько, сколько ты захочешь.

«"Скромному", да, конечно, так тебе и поверил, наглый лис» — с долей раздражения подумал Бин Ванмэй и, неловко улыбнувшись, хотел было согласиться под внимательным взором мадам Цзинь, когда внезапно краем глаза заметил нечеткий силуэт, мелькнувший где-то

сбоку. Резко обернувшись, он заметил черную тень, которая быстро пронеслась между гостями и с нечеловеческой скоростью поднялась по лестнице.

Мужчина спросил:

— Что-то случилось?

Бин Ванмэй только и воскликнул, хлопнув кувшином по столу:

— Прошу меня простить!!!

Двинувшись с места, он за считанные секунды оказался на втором этаже, где, пытаясь не споткнуться в собственном подоле, гонялся за кем-то. Тень метнулась за угол, а Бин Ванмэй за ней, стремительно сокращая расстояние. За пару мгновений он остановился перед ярко-красной дверью и, не задумываясь, открыл ее. Как только скрип прекратился, в нос ударил настолько едкий запах «Нежных объятий», что ему показалось, будто он вот-вот упадет без чувств. Прикрывая нос рукавом, он зашел в темное помещение и выставил правую руку перед собой. Юньци, будто по немому приказу, начала светиться ярким светом, озаряя почти всю комнату.

Комната по своим размерам была небольшой, и мебели в ней не было. Вместо нее в мрачном помещении находилось около десяти деревянных бочек, каждая аккуратно расставленная друг напротив друга.

«Погреб с вином? — было подумал Бин Ванмэй, но быстро отбросил это предположение. — Кто в своем уме будет делать погреб на втором этаже?»

Он подошел к самой ближайшей бочке и резко открыл крышку, но не успела она полностью отвориться, как к запаху благовоний прибавилась еще и вонь разлагающегося мяса, и Бин Ванмэю пришлось отпрянуть на несколько шагов. Терпя невыносимую тошноту и головокружение, он подошел ближе, и свечение Юньци помогло рассмотреть в деревянных бочках тела, а точнее их остатки. Полусгнившие руки и ноги плавали в вонючей крови, а голова мирно почивала сверху всей этой тошнотворной жидкости.

Хоть голова уже частично сгнила, но кое-где даже можно было рассмотреть черты лица, и принадлежали они явно молодой девушке, которая смотрела на Бин Ванмэя пустым, стеклянным взглядом.

Тут и без предисловий можно было понять, что в бочке находилась одна из жертв демона или духа, обитающего в Хуаюане.

Бин Ванмэй также проверил остальные девять бочек — содержимое было одинаковым. Помимо остатков тел и непонятной жидкости, больше ничего необычного в комнате не было.

«Судя по всему, их убили в одно время, поскольку степень разложения одинаковая...» — размышлял он, спускаясь на первый этаж, где по-прежнему стояло веселье, несмотря на гнилые трупы в одной из комнат этого цветника.

Не успел он осознать, что происходит, как его руку с силой дернули в сторону, и он, потеряв равновесие, упал прямо на колени пьяному мужчине. Тот оскалился и, поглаживая его губы жирным от масла большим пальцем, томно произнес:

— Милашка, как тебя зовут? Раньше я тебя здесь не видел. Новенькая, что ли?

Бин Ванмэй сжал челюсти и попытался встать, но не успел подняться, как грубая рука мужчины притянула его голову обратно на колени. Это действие привлекло внимание сидящих рядом мужчин, которых, видимо, так позабавила развернувшаяся сцена перед их глазами, что некоторые решили присоединиться к веселью.

— Разве я разрешил тебе подняться? — продолжил тот, сжимая волосы на его затылке. — Ты очень расстроила меня. Ты ведь знаешь, как заслужить прощение, верно?

— Эй, красавица, — подключился другой, одной рукой подцепив край его одежд, а другой поглаживая бедра, — мне помочь тебе?

Бин Ванмэй одарил их самым что ни на есть яростным взглядом. Он сдерживался из последних сил, ведь необдуманным действием можно было стереть все его усилия за последние несколько дней и спугнуть убийцу. Пока он думал над этим, один из мужчин странно притих и нахмурился.

— Слишком уж она твердая для женщины. Разве женщины могут быть такими? Да и груди нет...

«Вот черт!!! — выругался Бин Ванмэй. — Юньци, успокойся! Отрежешь им яйца потом, сейчас я должен их вырубить!»

Вскочив с места, он за мгновение ока ударил мужчин по слабой точке на шее, после чего они упали без чувств. Приведя себя в порядок, он развернулся, чтобы уйти, когда сразу же наткнулся на разгневанную мадам Цзинь.

— Тан Юйлань, где тебя носит?! Господин давно ждет тебя в личных покоях! — находясь в праведном негодовании, она схватила его за руку и потащила за собой.

Бин Ванмэй от удивления открыл рот, закрыл его, потом снова открыл:

— Что? Личные покои? Господин ждет меня?! — он хотел было высвободить кисть, но не успел ничего предпринять, как хозяйка остановилась и толкнула его в какую-то темную комнату.

«Чтоб вас всех! — не выдержал он, пытаясь переварить пережитое за последние несколько минут. Даже тела в бочках не вымотали его так сильно, как эти люди. Хоть ему и удалось сохранить равновесие от грубого толчка, но сразу посмотреть вперед он не решился. Когда тишина начала душить, он все же поднял голову и увидел, что на алом ложе сидел тот самый господин в черном. Тот сидел, закинув одну ногу на другую, все с той же обаятельной ухмылкой на устах и чарующими сиреневыми глазами. Он смотрел прямо на Бин Ванмэя с явным интересом и каким-то хитрым блеском в глазах.

Только встретившись с ним взглядом, Бин Ванмэю вмиг стало дурно до тошноты. В этих роскошных покоях единственным источником света была одинокая свеча, которая с трудом позволяла разглядеть что-нибудь. В покоях они были совершенно одни.

От накатывающего нехорошего предчувствия недавно побывавший в комнате с нестерпимой вонью Бин Ванмэй чувствовал себя отвратительно. Первым гробовую тишину прервал господин:

— Подойди и присядь.

Глава 8. Господин в черном.

Мужчина в дорогих темных одеждах легонько похлопал по простыням, подзывая Бин Ванмэя сесть. Тот явно не торопился принимать приглашение, с недоверием пялясь на неизвестного. Спустя минуту-другую Бин Ванмэй все же уточнил:

— Надеюсь, господин не желает совершить со мной что-нибудь предосудительное?

Улыбка мужчины на миг померкла, но потом он приглушенно засмеялся, отчего щеки Бин Ванмэя порозовели.

— Знаешь, с каким трудом я уговорил хозяйку уединиться с тобой, барышня Тан? — вытирая слезы, насмешливо произнес он.

Не задавая лишних вопросов, Бин Ванмэй присел на алое ложе, сохраняя при этом приличную дистанцию. Он прямо спросил:

— Что вам нужно?

Пусть только попробует соврать или распустить руки — Юньци четвертует его быстрее, чем кто-либо успеет опомниться.

Человека в черном осторожность с его стороны никак не смутила, он лишь немного приблизился. Бин Ванмэй напрягся всем телом, будто от настигающего бедствия, а Юньци уже начала ярко светиться, будучи наготове наказать наглеца. Внезапно аура господина изменилась до неузнаваемости. В дивных сиреневых глазах засверкал пурпурный блеск, а очаровательная улыбка превратилась в хитрую ухмылку. Почти вплотную приблизившись к нему, он прошептал, опалив горячим дыханием его ухо:

— *Будьте добры, порадуйте меня игрой на пипе.*

Реакция Бин Ванмэя оказалась поразительной: он без церемоний выбросил правую руку перед собой. Юньци по его велению выпустила сразу три тонкие нити, которые, подсвечиваясь голубым, стремительно атаковали цель!

Все произошло за мгновение ока. Комната в ту же секунду наполнилась ярким сиянием, а перед глазами неожиданно заплясали черные пятна. Помимо благовоний, в воздухе витал знакомый аромат цветов. Бин Ванмэю показалось, что он связал наглого господина, но потом увидел, что нити прошли сквозь мужчину. Точнее будет сказать, что сначала связали, но за

считанные секунды неизвестный превратился в скопище черных лепестков, и те, будто от сильного ветра, исчезли в непроглядной ночной тьме. Он сбежал через окно.

Небольшое окно было распахнуто. От резкого порыва ветра свеча беспокойно замелькала и в какой-то момент чуть не потухла. Нити вошли обратно в Юньци, а ее сияние чуть померкло.

Бин Ванмэй встал и закрыл окно, когда его внимание привлекла какая-то вещь на полу. Он взял многострадальную свечу (дело привычки: иногда забывает, что у него есть Юньци) и присел на корточки. Свеча осветила небольшой аккуратный сверток из фиолетового шелка. Он без колебаний развернул его. Когда теплый свет достиг содержимого, Бин Ванмэй поразился.

— Черная роза? — выдохнул он, глядя на изящную, благоухающую розу цвета таинственной ночи.

Его тонкие бледные пальцы невольно коснулись нежных лепестков, и он погрузился в глубокие думы. Веки его слегка прикрыли глаза, опустив занавес из белоснежных ресниц. Мысли Бин Ванмэя были хаотичными и бессвязными. Он почувствовал легкую дрожь по всему телу. Очень приятную, волнующую дрожь.

Зажав розу между пальцами, он поднес цветок к лицу и вдохнул дивный аромат.

— Это... тот самый цветок.

В лесу, когда он вместе с белой лисицей чуть не столкнулся с тенью и кто-то с ней расправился быстрее, — тогда там стоял такой же аромат: не похожий на другие запахи цветов, совсем легкий и нежный, в отличие от благовоний «нежные объятия». Будто сама госпожа любви целовала тебя в лоб... Приятное ощущение.

Бин Ванмэй выдохнул и, аккуратно оторвав от розы один лепесток, сунул его в широкий рукав. Он наслаждался этой идиллией, даже несмотря на неправильность происходящего, но столь долгожданная тишина не продлилась долго. Дверь кто-то резко распахнул, да с такой силой, что по стенам пошли трещины, а у Бин Ванмэя загудела голова.

— Время вышло, молодой господин! — завопила хозяйка с порога, и множество золотых украшений на ее голове зазвенели. — Тан Юйлань! На выход, быстро!

Интересно, как он ей объяснит его пропажу? «Простите, навыки вашей новоиспеченной куртизанки оказались столь плохи, что гость совершил милость и сбежал через окно»?

— Слушаюсь, матушка, — сказал Бин Ванмэй и, обливаясь холодным потом, шагнул в сторону двери.

Мадам Цзинь окинула комнату внимательным взглядом, не забывая торопить подопечную:

— Быстрее, барышня! — она уставилась за спину Бин Ванмэя. — А вам, молодой человек, впредь не стоит меня о таком просить! В следующий раз ценник будет выше, учтите это!

Бин Ванмэй остановился, выпучив глаза.

— Что?

Он обернулся, но не увидел никого — комната была пуста. Выражение его лица стало нечитаемым.

«Аромат черной розы как-то с этим связан? Каким образом?»

Бин Ванмэй не смог придумать другого объяснения. Единственное, что приходило на ум, — это то, что он попросту рехнулся.

Они вышли из темного помещения в яркий и пестрый зал, наполненный весельем. Бин Ванмэю показалось, что если он пробудет здесь еще хоть немного, то скорее сойдет с ума, но эффект от пилюли должен был вот-вот развеяться, и дело нужно было закончить как можно скорее, поэтому он решил отпроситься у мадам Цзинь на чаепитие к другим куртизанкам, чтобы попробовать еще раз их расспросить. Не успел он открыть рот, как его внимание привлек танец одной из куртизанок.

В голове тут же всплыли слова господина в черном:

«Будьте добры, порадуйте меня игрой на пипе».

Игра на пипе...

Взгляд льдистых глаз опустился в правый нижний угол платформы, на которой две куртизанки сидели на полу с музыкальными инструментами. Одна из них как раз играла на пипе.

Бин Ванмэй замер, прокручивая в голове случившееся.

Если бы тот господин действительно желал ему зла, то зачем было тянуть? Они остались вдвоем: никто не видел, никто не помешал бы — самый удобный момент, чтобы нанести быструю атаку. Время шло, а удара не последовало. Никакого.

Тогда что это? Нежелание вредить? Или... намеренная медлительность, которая сама по себе становилась знаком?

Из этого следовал только один вывод: тот господин таким образом пытался... помочь? Доказательств не было. Ни одного. И все же для Бин Ванмэя ответ давно стал утвердительным.

Спросив у хозяйки, он одолжил у девушки пипу и сел наравне с другой куртизанкой. Началась новая песня. Звук, исходящий из-под белых рук «Тан Юйлань», был неповторим и изыскан: складывалось такое впечатление, что новоиспеченная всю жизнь играла только на этом инструменте. Пока флейта сестры плясала красками, пипа, в свою очередь, была сдержаннее и звучала безмятежно. Инструменты комбинировали нотами и звуками, а танцовщицы радовали взор гостей, отчего их смех становился громче.

— А это кто? Новенькая, что ли? — с легким удивлением спросил кто-то из мужчин.

— Ха-ха, именно, друг мой! — воскликнул другой мужчина. — Хозяйка предупреждала нас, что она только-только прибыла в этот дом и не знает всех тонкостей своего будущего дела, но все же позволила какому-то господину уединиться с ней, представляешь? — он разочарованно пригубил свою чарку с вином.

— Она невероятно прекрасна... — со вздохом произнес гость и отвлекся от вина на фигуру в сиреневом одеянии.

— Похожа на холодную белую хризантему, — с легкой иронией заметил второй мужчина. — Жаль, что уже занята.

— Занята? Скажешь еще, она ведь куртизанка. Главное — хорошо заплатить, и тебе ее предоставят на блюдечке, — подключился третий.

— Все не так просто, друг мой. Тот молодой человек в черном уже выкупил ее и заплатил в пять раз больше, чем нужно... Хозяйка нам ее в жизни не отдаст.

Тем временем Бин Ванмэй, чувствуя себя как нельзя неуютно от столь множества глаз, играл на пипе уже достаточно долгое время, не забывая осматривать зал. Внезапно он заметил странное движение одной из танцовщиц. Двигалась она резко и как-то эксцентрично размахивала руками из стороны в сторону, будто не человек, а марионетка!

Бин Ванмэй поиграл еще какое-то время, но, видимо, присутствующие также заметили сумасшедший пляс девушки, и ее поспешно заменили на другую куртизанку. Его больше ничего не держало на этой платформе. Сославшись на усталость, он пошел следом за девушкой. Шла она также странно: хромала, словно ходячий мертвец. Выражение ее лица было абсолютно бесстрастным, а кожа неестественно серой. Бин Ванмэй не понимал одного: как он и другие до этого не замечали ее чудного поведения?

«Скорее всего, — подумал он, — до этого она не вела себя так необычно, а значит, произошло это относительно незадолго до того, как я сел играть».

Или же, если бы не подсказка загадочного господина, он бы попросту упустил ее из виду.

Пока они шли, Бин Ванмэй не сразу заметил, что света внезапно не стало. Только благодаря Юньци ему удавалось уследить за ней. Прошествовав темный коридор, девушка остановилась перед дверью в чьи-то покои. Она какое-то время стояла перед дверью тихо, но вдруг зарычала, совсем как дикий и голодный зверь.

Свет Юньци в тот же миг начал мигать.

Девушка стремительно повернулась и, подобно порыву сильнейшего ветра, ринулась на стоящего неподалеку Бин Ванмэя. Оставшись на месте, он легонько повернул голову в сторону, и когтистая женская кисть прошла мимо его лица, задев только белые волосы на лбу. Бин Ванмэй, пользуясь случаем, одной рукой схватил тонкую кисть и повернул, а второй надавил на спину, обездвижив нападавшую моментально. Взбешенная куртизанка, видно, поняла, что дальше ей никак не выбраться. Неожиданно ее тело начало биться в конвульсиях, а изо рта вырвался душераздирающий вопль.

Брови Бин Ванмэя сошлись на переносице. Он ведь просто обездвижил девушку: не сломал руку, не вывихнул ее и даже не применил никаких физических или магических сил. Но почему тогда она отреагировала так, будто ее изнутри прожигали пламенем?

Спустя несколько минут громких стенаний девушка вдруг обмякла. Бин Ванмэй, все еще придерживавший ее за руку, уберег ее от падения. Плоть бездыханного тела сначала разбухла, а потом начала медленно сползать. В воздухе повисла знакомая сладкая вонь гниющего мяса. Когда кожа почти вся слезла, под ней оказались не кости и не плоть, а самый настоящий деревянный каркас, искусно вырезанный чьей-то рукой.

— Как интересно... — задумчиво произнес Бин Ванмэй. — Я не ошибся: это на самом деле марионетка.

Он аккуратно уложил тело, сел на корточки и стал стаскивать остатки разбухшей плоти. Под гнилым и вонючим мясом действительно был каркас из дерева в человеческий рост. Нити Юньци обвили талию марионетки и безжалостно разделили чье-то творение на две части. Нижняя не привлекла к себе внимания, а вот верхняя... В пустом, казалось бы, каркасе Бин Ванмэй обнаружил высушенные человеческие органы.

Похожие на иссохшие фрукты сердце, легкие, кишечник, даже почки как есть запихнули в бездушную куклу, сделав из нее подобие живого человека. Что странно: из всего набора органов отсутствовала только матка, хотя каркас сам по себе был женского вида.

Между бровями Бин Ванмэя образовалась глубокая складка. Осмотрев все несколько раз, он поднялся на ноги и сделал шаг вперед. Юньци начала мелко дрожать. Остановившись, он внезапно обернулся, но было уже поздно. Тонкая черная дымка скверной энергии обвила его силуэт, пожирая сознание. Он почувствовал, как тело перестало слушаться, а перед глазами начало темнеть. Нити Юньци не успели достигнуть покусителя — тьма полностью застлала глаза Бин Ванмэю.

Глава 9. Лань Мончоу чересчур проницательна.

Наутро Бин Ванмэя в спешке разбудила взволнованная Лань Мончоу.

— Сестрица Тан! — она импульсивно трясла его за плечо. — Проснись!

— Мм... — находясь в полудреме, он с большой неохотой открыл глаза и взглянул на миловидное лицо девушки у своей постели. — Лань Мон... Сестрица Лань? Что случилось?

Бин Ванмэй находился в собственных покоях. Он лежал на алом ложе, и даже его тело было заботливо накрыто одеялом, словно он мирно лег спать прошлой ночью... Как он вообще тут оказался?

Одетая в голубые одеяния и со скромным набором серебряных украшений в прическе, Лань Мончоу замотала головой и взволнованно воскликнула:

— Еще одна! Несчастье! Сестрица Сун обнаружила труп А-Сян, представляешь!

Бин Ванмэй глупо похлопал белыми ресницами и только по прошествии минуты осознал сказанное девушкой.

— Что?!

Несмотря на то, что познакомились они недавно, ничто не могло помешать Бин Ванмэю и Лань Мончоу хорошо поладить. Лань Мончоу, в отличие от куртизанки по фамилии Сун, была весела и добродушна. Она не знала, что такое зависть или обида, а улыбка ее светилась чуть ли не ярче солнца. Даже со своим природным очарованием и миловидным лицом Лань Мончоу не смогла достичь звания выше второсортной куртизанки, поскольку красота ее в сравнении с большинством дивных «цветов» в Рубиновом доме тускнела, и гости просто-напросто не желали ее услуг.

За душевной беседой с чашечкой горячего чая Бин Ванмэй узнал, что Лань Мончоу украли еще в детстве и продали в этот дом, лишив родителей и отчего дома. Теперь ей приходилось зарабатывать на жизнь проституцией. Сама Лань Мончоу не жаловалась, хотя иногда говорила, что хотела бы вновь обнять мать, отца и младшего брата.

Учитывая их нынешние теплые отношения и характер болтушки Лань Мончоу, неудивительно, что она первым делом решила доложить новой сестрице такие известия.

Бин Ванмэй вскочил с места и воскликнул:

— Как это произошло?!

«Я должен был почувствовать, что она в опасности! — напряженно думал он, вспоминая случившееся. — Что, черт возьми, вчера произошло? Что вообще происходит!»

Бледные губы Лань Мончоу задрожали, но она смогла сдержаться. Пробравшись на ложе, она уселась и тихонько рассказала:

— Вчера я заметила, как ты направляешься в свои покои, ну и подумала о том, что ты, видно, устала.

«Разве я направлялся в свои покои? — в замешательстве думал Бин Ванмэй. — Неужели... иллюзия того господина в черном? Но зачем ему вдруг лишать меня чувств? Тем более, он сначала помог мне, а на куртизанках использовал свои чары... Может, убийца — он и есть? Нет, нет. Не сходится. Он вроде как дал мне подсказку...»

Тут он осекся. Разве господин дал ему подсказку как раз не для того, чтобы устроить засаду?!

— После матушка наказала нам выпроводить гостей, чем мы с сестрами и занялись, — продолжала свой рассказ дева Лань. — Когда А-Чжай отправилась с вопросом к матушке, то нашла у ее покоев растерзанное тело А-Сян!

Как бы она ни старалась держать лицо перед любимой сестрицей, все же мягкое сердце не выдержало боли: слезы маленькими ручейками потекли по милому лицу.

Протягивая ей носовой платок, Бин Ванмэй осторожно уточнил:

— Как ее убили?

Промакивая платком щеки и глаза, Лань Мончоу прерывисто ответила:

— На груди была большая дыра, а руки и ноги сломаны... Сестрица Тан, почему ты так смотришь?

Лицо того, к кому она обращалась, стало чуть ли не зеленым, а широко распахнутые голубые глаза уставились на нее с болезненным осознанием. Не прошло и мгновения, как Бин Ванмэй вылетел из покоев и направился к главному залу, где тут же увидел Сун Баочжай. Кожа девушки была нездорового серого цвета, глаза закрыты, на лице сохранилось болезненное выражение. Ее голова покоилась на коленях девушки с круглым лицом, а по обеим сторонам от нее суетились куртизанки и помогали чем могли. Как раз в этот момент за спиной Бин Ванмэя показалась хрупкая фигура Лань Мончоу. Заметив Сун Баочжай, от ужаса она чуть не лишилась чувств. Подскочив к ней, она сильно ее обняла и заплакала навзрыд.

— А-Чжай! А-Чжай, очнись!

— Что с ней? — выравнивая хаотичное дыхание и пытаясь успокоить Лань Мончоу, спросил Бин Ванмэй у девушек.

— Ей со вчерашнего вечера нехорошо...

— Нашей сестрице Сун пришлось такое пережить! Конечно ей поплохеет!

Бин Ванмэй не пожелал слушать дальнейшие препирательства, вместо этого он аккуратно взял кисть девы Сун и проверил пульс. Осознание в ту же секунду пронеслось в голове:

Энергия Инь!

У живых существ, будь то человек, животное или даже насекомое — своя жизненная энергия Ян. А у демонов, духов, мифических и темных зверей — скверная энергия Инь. Когда человек умирает и его выбирают в качестве демона или же его душа не находит покоя, то он сразу же впитывает в себя темную энергию и становится «миазмом», то есть душа загрязняется, и дальше он становится нечестивым существом. Духовная ци и энергия Ян различны по своей природе. Энергия Ян поддерживает жизнь, и она есть у всех живых существ, от духовной ци же жизнь не зависит, да и добиться ее нелегко, но потенциал в плане силы и техник гораздо выше.

Женщины заражение в виде энергии Инь переносили гораздо легче, чем мужчины. Пока первые болели и имели шанс вылечиться, вторые скоропостижно погибали.

Сун Баочжай заразилась скверной энергией, и ее состояние быстро ухудшалось. Бин Ванмэй сначала незаметно поделился своей энергией Ян и немного духовной ци, а потом строго наказал:

— Пусть ее осмотрят лекари из Шэньмина, — он указал на куртизанку рядом с пострадавшей. — Ты! Иди и сообщи, что куртизанка по фамилии Сун, возможно, скоро умрет, если ей в ближайшее время не оказать медицинскую помощь!

Моментально побледнев, девушка побежала исполнять приказ.

Бин Ванмэй же аккуратно похлопал по плечу плачущей Лань Мончоу и мягко уверил:

— Не волнуйся, она будет жить. Ей просто нужно немного отдохнуть.

— А что именно с ней случилось? — не удержалась от вопроса девушка с круглым лицом. — Почему лекари из Шэньмина?

Бин Ванмэй ответил не сразу и подумал:

«Не скажу же я, что в прошлом имел хорошие отношения с нынешним правителем и знаком с их техниками, а также держу при себе немалые знания в целительстве? — поразмыслив, он осознал. — Да и вообще, сестричка, не слишком ли ты любознательная?»

— Сестрица, лучше скажи мне, где находится тело А-Сян?

Девушка посчитала этот вопрос странным, но все же ответила:

— Его сразу же вынесли из Хуаюана и уже, скорее всего, сожгли. А зачем тебе тело А-Сян?...

На последних словах девушки вокруг нее начали как-то очень неоднозначно на него пялиться. Бин Ванмэй внезапно указал пальцем за их спины и дрожащим голосом воскликнул:

— Ч-что это там?!

Девушки в панике обернулись, но за их спинами ничего не было. Когда одна из куртизанок поняла это, то тут же в гневе повернулась к «Тан Юйлань», которой на месте не оказалось.

Воспользовавшись моментом, Бин Ванмэй улизнул и направился к тому месту, где вчера остановилась марионетка. Прошествовав уже известный коридор, он встал перед дверью. Однако на полу ничего не оказалось. Абсолютно ничего.

«Тело пропало. Значит ли это, что...»

Мужской голос, полный скрытого презрения, оборвал его мысль:

«Сначала проверь покои мадам Цзинь, а дальше ищи подобие трупа где-нибудь за пределами Рубинового дома».

«Вэйюан?!» — искренне удивился Бин Ванмэй.

После случая в Обители Ангела Вэйюан не появлялся, даже когда Бин Ванмэй сам обращался к нему. Вэйюан не ответил и не бросал едкими комментариями в дальнейшем, что было очень на него не похоже.

«Что натолкнуло тебя вновь появиться?» — то ли раздраженно, то ли озадаченно спросил бывший правитель Сюэхуна.

«Твоя тупость», — бесстрастно выплюнул Вэйюан.

«Ну не начинай! У тебя язык отсохнет от одного нормального разговора? Хоть сегодня побудь менее раздражительным, я правда хочу о многом тебя спросить».

«Какой толк мне тебе отвечать?»

«А тебе есть чем заняться?»

«...»

Довольный такой легкой победой, Бин Ванмэй хищно ухмыльнулся. Он ведь прекрасно знал о том, что в Царстве Коррозии, помимо разглядывания красивых пейзажей, нет ничего, чем можно было бы себя занять. Единственное — это бросание камешков в речку, но и тут Вэйюан во многом преуспел.

«Спрашивай», — в конце концов выдохнул тот.

«Тебе ни на кого не напоминает Сюй Мэйли?»

«Нет».

«Лин Чжу?»

«Нет».

«Лань Мончоу?»

«Нет».

«Сун Баочжай?..»

«Может, еще каждую девицу Тяньтани озвучишь?! — точка терпения Вэйюана достигла предела, когда он в сердцах заорал. — Я не могу видеть твоими глазами, идиот! Ты так поиздеваться надо мной решил?!»

Бин Ванмэй окаменел. Он действительно это не учел...

«Ладно-ладно, я виноват! Не кричи так, у меня сейчас голова лопнет!»

Прерывая затянувшуюся паузу, Вэйюан вдруг нарушил молчание:

«Племянницу ищешь?»

На сей раз голос его звучал подозрительно спокойно. Только Вэйюан мог разозлиться и успокоиться за считанные секунды.

«Верно, — Бин Ванмэй потянулся к глазам, чтобы их помассировать, но тут же остановился, вспомнив, что на лице макияж. — Я ничего толком не помню... И кто такой этот Юн Гуй?»

С безразличием, способным вывести из себя даже великого целителя Му, Вэйюан бросил:

«Твой ученик».

Бин Ванмэю показалось, что он ослышался. Очень быстро мозг почти полностью впитал в себя небрежно брошенные слова Вэйюана: ученик, ученик, ученик...

«Мой... Мой кто?!» — все равно не поверил Бин Ванмэй.

«Ученик», — спокойно повторил тот.

Бин Ванмэй был удивлен и растерян так сильно, что сердце многократно ускорило свой ритм, а кровь в висках запульсировала пуще прежнего.

«Невозможно... Это невозможно! Как я мог взять кого-то в ученики, если сам о себе не был в состоянии позаботиться?!»

«У себя спроси, болван. Не я же подсказал тебе приютить мальчишку после уничтожения клана Юн, — Вэйюан растянул паузу. — Хотя, признаюсь, вы во многом похожи: оба лишились семьи и оба пригрели змею на груди...»

Бин Ванмэя будто внезапно окатили ледяной водой. Он медленно спросил:

«Что ты имеешь в виду под "пригрел змею на груди"? Точнее, кого?!»

Ответом ему стал ироничный смешок.

«Вэйюан... — сквозь плотно сжатые зубы процедил Бин Ванмэй. — Заруби себе на носу: А-Бэй никогда не предавал меня! Никогда!»

Он чувствовал, что должен произнести имя этого человека, которого обязан защитить любой ценой, будь против него хоть вся Тяньтань. К сожалению, воспоминания Бин Ванмэя были слишком размытыми. Он не смог вспомнить ни лица этого человека, ни его имени, одно единственное — «А-Бэй»...

В жалких частичках воспоминаний Бин Ванмэй мог слышать полный невинности свой детский голосок:

«А-Бэй, посмотри сюда!»

«А-Бэй, опять ты проказничаешь!»

«А-Бэй, эти цветы на тебе так мило смотрятся!»

«А-Бэй, не уходи... А-Бэй, молю, прости меня! А-Бэй!!!»

Словно упавшая в чистую воду кровавая капля, детский голос растворился в туманном омуте...

Чувство вины, потери и скорби таились в душе, хранились в Хрустальном Сердце Бин Ванмэя. Если он чувствовал такие сильные эмоции от «неизвестного», значит, этот человек и впрямь был ему очень дорог.

— Это с какой стороны посмотреть, — парировал Вэйюан.

— Это скорее моя... — он осекся.

Бин Ванмэй с трудом взял эмоции под контроль и просто замолчал.

И снова их диалог закончился ядовитой ссорой. Правильно было бы к этому уже привыкнуть, учитывая, что в нынешнем положении они вновь и вновь будут пересекаться. Но этот А-Бэй... действительно был слабостью Бин Ванмэя.

Дальше следовало проверить покои мадам Цзинь, чем он и занялся. К счастью или к сожалению, некоторые куртизанки все еще находились в зале, но что самое главное — их гнев поутих. Сун Баочжай с Лань Мончоу не было видно, скорее всего они были в чьих-то покоях на осмотре у лекаря. Спросив у девушек дорогу, молодой человек направился прямо к хозяйке Рубинового дома.

— Мадам Цзинь?

Бин Ванмэй стоял у двери с вычурными узорами и слушал каждый звук, исходящий из-за нее.

— ....

Выходец из клана Бин с легкостью уловил бы даже самый тихий вздох, не говоря уже о каком-то шуршании или шагах. Однако вокруг стояла всепоглощающая тишина.

Простояв несколько минут в гробовой тишине, Бин Ванмэй хотел было открыть дверь, как внезапно его спину отдало холодом. Он резко повернулся и увидел, как тень метнулась в сторону главного зала! Ноги машинально повели его в погоню, но он остановился на полпути, развернулся и побежал обратно, откуда прибежал.

— На этот раз ты меня не проведешь!

Уже не церемонясь, он ногой вышиб дверь и оказался в темной комнате. Был уже день, а в покои мадам Цзинь не проникал и лучик света, что не могло не насторожить. Убранство

было простым, но довольно утонченным: большое и роскошное ложе, будто туман, окутывала занавесь из синего фатина. Через полупрозрачную ткань четко различался женский силуэт.

Поколебавшись, Бин Ванмэй все же приблизился и аккуратно отодвинул занавеску, попутно спрашивая:

— Мадам Цзинь? Вы спите?

Его терзали сомнения:

«Я ошибся? Неужели мадам Цзинь и правда просто отдыхает, а я из-за своей халатности подверг девушек опасности?»

Стоило ясному взгляду мимолетно скользнуть по фигуре на простынях, как последние сомнения улетучились за мгновение ока. На белоснежной постели лежала скрюченная женщина чуть старше сорока лет: со множеством золотых украшений в прическе и огромным слоем макияжа на искаженном смертельным испугом лице.

Кто же это могла быть, если не хозяйка Рубинового дома — мадам Цзинь?

Тишина. Пустая и мучительная тишина.

Бин Ванмэй опустил ресницы и тихо произнес:

— Мне очень жаль.

Дверь коротко заскрипела. Послышались мягкие, почти невесомые шаги, которые принадлежали девушке чуть младше Цзинь Юйтун.

Инь Сюанье.

Бин Ванмэй посмотрел на нее почти равнодушно — и в ответ получил такой же взгляд. Темно-синие глаза Инь Сюанье всегда были безразличными, но сейчас в них что-то треснуло. Подойдя к ложу, она лишь на миг взглянула на холодное тело и сразу отвернулась.

— Мы столько раз ее предупреждали, — в ее голосе послышалась неведомая ей ранее горечь. — Юйтун так просила ее остановиться... Но жадность затуманила ей разум.

Бин Ванмэй даже не шелохнулся, пытаясь обдумать случившееся за сегодня. Он определенно разозлил убийцу. И теперь тот платил по счетам — жестоко и несправедливо.

Инь Сюанье аккуратно достала из рукава блестящую и острую шпильку. Она коснулась плеча Бин Ванмэя и спокойно сказала:

— Не вини себя, хорошо? Никто не станет обвинять тебя в убийстве.

Губы бывшего правителя Сюэхуна дрогнули. Нет. Вина определенно лежала на нем. Если бы он только не потерял сознание, если бы только был внимательнее, тогда... тогда... что тогда?

Девушкам удалось бы выжить? Он не знал. Но глядя в эти глубокие синие глаза, он чувствовал, словно безграничный океан вот-вот проглотит его и утащит на самое дно.

Инь Сюанье продолжала непривычным для нее мягким тоном, словно не замечая, как тело на ложе странно дернулось:

— Ты меня слышишь? Никто не обвинит тебя. Ты под *нашей* защитой. А теперь уходи, пока не поранилась.

Резкий порыв адреналина ударил Бин Ванмэю в виски, когда труп мадам Цзинь вдруг поднялся с постели и напал на него с явным намерением убить! Как вдруг... быстрое, почти изящное движение белоснежных рук Инь Сюанье — шпилька вонзилась точно в горло обезумевшей мадам Цзинь!

Тишину прервали истошные вопли, которые по прошествии пары минут также внезапно стихли. Когда бездыханное тело обмякло, Бин Ванмэй, еще не пришедший в себя, наблюдал, как Инь Сюанье аккуратно уложила труп на пол. Подождав, он чуть изменился в лице.

На этот раз кожа не слезла.

«Должно быть, — подумал он, — из-за того, что хозяйка умерла относительно недавно, плоть не успела сгнить и до сих пор уверенно держится на деревянном каркасе».

Он стянул белоснежное одеяло с постели и накрыл им тело женщины. Инь Сюанье сложила руки в молитвенном жесте и, чуть поклонившись, прошептала:

— Покойтесь с миром, матушка. И попросите прощения у сестер, которые несправедливо умерли по вашей вине. — она обернулась к Бин Ванмэю. — Я, кажется, сказала тебе уйти.

Бин Ванмэй замер.

Заметив его нерешительность, она вздохнула и объяснила:

— Ты, должно быть, растеряна. Я понимаю, но сейчас я не могу все тебе объяснить, понимаешь? Просто знай, что мы тебе не враги, а еще то, что убийца скрывается здесь. — внезапно сказала она. — Матушка сотрудничала с ним... Она не могла позволить, чтобы репутация Рубинового дома пошатнулась, и была рада избавиться от беременных проституток, чтобы слухи не распространились по всему Хуаюану. Но теперь, — она с глубокой печалью перевела взгляд на простыню, — она умерла так же унизительно. Он не пощадил ее. Зачем ему это делать? Она была всего лишь удобной игрушкой в его руках. Она не сопротивлялась.

Бин Ванмэй спросил:

— Вы знали об этом?

Инь Сюанье какое-то время молчала, прежде чем дать неожиданный ответ:

— Только мы с Юйтун. Другие даже не подозревали. Юйтун знала, но ничего не могла сделать. Мы не могли предвидеть его действия. Даже когда девушка оказывалась беременна,

мы узнавали об этом слишком поздно. Знаешь, почему А-Сян умерла, а ты об этом не узнала, хотя привязала к ее руке духовную нить?

Бин Ванмэй хотел спросить о том, откуда она вообще знает про духовные нити, но вместо этого выдавил:

— Почему?

— Потому что девушки избавились от нити сразу, как только проводили А-Сян в ее комнату. Нити, которые мы с Юйтун привязывали к девушкам, также были срезаны. Сами того не подозревая, они убивали друг друга.

Сожаление тяжелым камнем упало на ее сердце. Она поднялась и, отряхнув невидимую пыль со своего роскошного платья, коснулась его руки. Ее красивые брови сошлись на переносице.

— В твоих руках течет небывалая сила... — Инь Сюанье перевела внимание на Юньци и попыталась коснуться ее, но Бин Ванмэй одернул руку. — И этот камень. В нем тоже сокрыта сила. Знаешь, Мончоу мне кое-что сказала.

— Что она сказала? — растерянно спросил Бин Ванмэй.

— Можешь спросить у нее. Я провожу тебя.

Поднявшись и прошествовав в покои «Тан Юйлань», они тут же наткнулись на Лань Мончоу. Бин Ванмэй удивленно смотрел на нее. Разве сейчас она не должна была быть с Сун Баочжай?

— Сестрица Лань? Ты до сих пор здесь?

Чуть замедлив, Лань Мончоу кивнула им и аккуратно встала, чтобы покинуть покои, но лицо ее было пугающе бледным.

Видно, она до сих пор переживала за Сун Баочжай, поэтому никак не могла прийти в себя. Заметив ее нездоровое выражение лица, Бин Ванмэю показалось жизненно необходимым ее утешить:

— Я уверена, что убийцу, сотворившего столь зверское преступление, обязательно найдут и накажут, не стоит так переживать, сестрица Лань. Я обязательно защищу тебя.

Лань Мончоу ничего не ответила. Бин Ванмэй уже подумал, что ответа так и не последует, как вдруг девушка прерывисто произнесла:

— Сестрица Тан... Ты точно «сестрица»?...

Бин Ванмэй встал словно громом пораженный:

— Что?..

Стоявшая рядом Инь Сюанье похлопала его по плечу и спокойно объявила:

— Вот тебя и раскрыли. Не нужно больше притворяться женщиной, бедный ты наш.

Бин Ванмэй посмотрел на нее как на душевнобольную.

Лань Мончоу наконец-то повернулась к нему лицом и объяснила:

— Вчера ночью я пришла наведать тебя в твоих покоях, надеялась, что ты все же не уснула и мы вместе попили бы чаю и немного поболтали перед сном, но ты мирно спала. Я уже собиралась уходить, как вдруг услышала тихое бормотание. Ты разговаривал во сне... — она неловко замялась у входа, казалось, что ее сильно терзали душевные муки. — Ты говорил: «прости меня, я был неправ. Это моя вина, я недостоин быть наследником своего клана». Разумеется, я сначала подумала, что это всего лишь бредни сна, у всех может такое произойти. Но ты продолжал говорить о себе как о мужчине...

В ту ночь озадаченная Лань Мончоу вышла из покоев «Тан Юйлань». Смятение в ее душе еще долго не угасало, пока не послышались крики девушек где-то неподалеку. Лань Мончоу мигом помчалась на звуки, и ее глазам предстала ужасающая картина:

На полу лежало истерзанное тело девушки: глаза были выпучены, руки и ноги вывернуты так, что кости торчали из мяса, а некогда красивое лицо исказилось до неузнаваемости. Одежды на ней почти полностью окрасились в алый цвет из-за дырообразной раны на груди, из которой продолжала хлестать свежая кровь.

Это была А-Сян!

После увиденного Лань Мончоу напрочь забыла о бреднях Тан Юйлань, но наутро она первым делом решила доложить «ей» новости. Когда она следила за Сун Баочжай, у нее было полно времени вспомнить и переварить услышанные слова из уст столь дорогой ее сердцу Тан Юйлань.

Бин Ванмэй молча смотрел то на нее, то на Инь Сюанье, при этом выражение его лица оставалось все таким же непостижимым. Что-то вспомнив, Лань Мончоу поспешно добавила:

— Ах, да! Когда я услышала твое бормотание, то подошла, чтобы проверить, не показалось ли мне, и аккуратно проверила тебя. Лампа помогла разглядеть твое умиротворенное лицо, а также, помимо этого, я случайно посмотрела на шею...

Бин Ванмэй так тяжело вздохнул, что, казалось, его несправедливо обвиняют в изнасиловании группы девиц и юношей за одно.

Лань Мончоу имела в виду кадык.

Половину шеи Бин Ванмэя скрывала черная ткань, поглощающая любой свет, что на нее попадал. Из-за своей особенности она могла скрыть даже такой признак, как кадык. Несмотря на это, ткань действительно скрывала, когда смотрели на шею спереди, ведь кадык все же никуда не девался. Кадык у Бин Ванмэя не особо выделялся, поэтому он об этом не беспокоился, но все же это не помешало Лань Мончоу заметить несостыковку.

Относительно высокий рост, чуть широкие плечи, обращение к себе и кадык...

Проницательностью Лань Мончоу можно было лишь позавидовать.

Однако ее слова были поверхностными и не имели веских доказательств, к тому же Бин Ванмэю не составило бы труда их опровергнуть. Но на слова девушки он не выразил никаких эмоций, не сказав ничего в ответ.

Следящая за каждым его движением и эмоциями Лань Мончоу негромко сглотнула.

— Сестрица Тан... — она была так поражена, что ей с трудом удавалось устоять на ногах.

Внезапно раздался спокойный, но уже мужской голос Бин Ванмэя:

— Сестрица Лань, разве имеет значение, кто я: мужчина или женщина? Что нам мешает так же мирно беседовать за чашкой чая, как вчера?

Лань Мончоу вздрогнула от неожиданности. Пока облик «Тан Юйлань» оставался прежним, она все еще сомневалась, но стоило голосу измениться, и все сомнения улетучились в тот же миг.

Бин Ванмэй продолжил:

— Эффект от пилюли уже истек, нет смысла дальше притворяться, но просто знайте, что я и подавно не имел при себе дурных намерений. Моей изначальной целью был поиск виновника смертей в Хуаюане, и первое, что мне пришлось сделать для поручения — это переодеться в девушку и разузнать информацию внутри. Дальше по плану было прикинуться клиентом и застать злоумышленника врасплох. Кто же мог подумать, что все так обернется.

Он пытался сделать тон как можно мягче, чтобы ненароком не спугнуть девушку, попутно следя за реакцией Инь Сюанье. Ведь иначе, начни Лань Мончоу кричать во весь голос, да так, чтобы это услышали все девушки в Рубиновом доме, — старания Сянвэй Бию пойдут прахом.

Лань Мончоу продолжала внимательно смотреть на «Тан Юйлань». Переглянувшись с Инь Сюанье, она неловко сказала:

— Сес... Братец Тан, ты бы хоть переоделся...

— .....

— Дурачок, — усмехнулась Инь Сюанье, оценив его реакцию. — А ведь Юйтун еще в самом начале тебя заподозрила.

Бин Ванмэю захотелось взвыть в голос, но вместо этого он выпроводил девушек и побыстрее сменил сиреневые одеяния на свои синие, которые принес с собой вместе с другими, женскими. Напоследок, стерев макияж с лица и прихватив свою мантию, Бин Ванмэй аккуратно вышел из покоев уже в настоящем облике.

Глава 10. Прекрасные цветы Рубинового дома.

Лань Мончоу и Инь Сюанье терпеливо ожидали Бин Ванмэя у покоев, как вдруг раздался тихий скрип двери, который заставил их повернуть головы.

Лань Мончоу ахнула:

— Се... Братец Тан, тебя прямо таки не узнать!

Инь Сюанье изучила его с ног до головы и с интересом констатировала:

— Красавчик. Даже несмотря на то, что ты мужчина, стал бы весьма ценным «цветком» Рубинового дома...

— Госпожа Инь, я вас умоляю! — в конце концов не выдержал он. — Почему вы всегда говорите такие странные вещи?

— Я сказала правду, что значит «странные вещи»? Ты пробыл здесь несколько дней и должен был понять, что взгляды на жизнь тут совсем другие. К тому же, — она взмахом руки пода́ла знак последовать за ней. — не зови меня госпожой. Обращайся, как душе угодно, для тебя я могу стать хоть сестрой, хоть женой.

Бин Ванмэй не сдержался и испустил долгий, обреченный вздох.

Тихо шагая за Инь Сюанье, Лань Мончоу аккуратно наклонилась к Бин Ванмэю и тихо шепнула:

— А мы правда... Мы правда можем как ни в чем не бывало болтать и пить чай, как раньше?

Нервно перебирая хрупкими пальцами ткань своего скромного платья, она не осмеливалась смотреть ему в глаза. Видно, этот вопрос терзал ее с того самого момента, когда выяснилось, что Тан Юйлань — мужчина.

Бин Ванмэй посмотрел на нее и тепло улыбнулся.

— Как пожелает барышня.

В какой-то момент они прошли мимо главного зала, где по-прежнему находились девушки, однако Сун Баочжай не было видно. Бин Ванмэй остановился и спросил:

— Как Сун Баочжай? Ей лучше?

Взгляд Лань Мончоу потускнел, когда она бесстрастно ответила:

— Ей стало немного лучше, но здешний лекарь не знает, как справиться с таким недугом. Он говорит, что, возможно, ей никогда не удастся полностью вылечиться.

Бин Ванмэй же знал, что если его просьбу привести лекаря из Шэньмина не проигнорировали, то Сун Баочжай сможет излечиться, но, похоже, от людей из Шэньмина не было никаких вестей.

— Инь Сюанье, — сказал он. — ее должны осмотреть лекари из Шэньмина. Другие не справятся. Прошу вас.

— Разумеется, — кивнула та. — как только сестрица передала мне твою просьбу, я сразу написала письмо и отправила в Шэньмин. Не к кому-то, а самому правителю.

Бин Ванмэй криво усмехнулся. Сам правитель Шэньмина будет лечить проститутку? Звучало смешно, но в действительности Му Веньян никогда не проигнорировал бы просьбу о помощи, даже от нищего бездомного. Поэтому он был уверен, что тот придет.

— Тогда она будет в порядке.

Плечи Лань Мончоу дрожали, когда она говорила:

— Сестрица Сун... У А-Чжай твердый характер, и она самая смелая из нас... Неужели вид А-Сян напугал ее даже больше, чем меня? Почему с ней такое произошло...

Бин Ванмэй сначала посмотрел в зал, где куртизанки негромко переговаривались с мрачными лицами, и на бледную девушку. Он специально не стал упоминать о том, что дева Сун была заражена скверной энергией, чтобы не заставить Лань Мончоу волноваться еще больше, но почему-то ему казалось, что лучше было бы рассказать ей о состоянии дорогой сестры. Но он сдержался и вместо этого сказал:

— Когда я прибыл в Рубиновый дом, мадам Цзинь наказала вам вкратце объяснить мне некоторые правила. В основном со мной общалась ты, а Сун Баочжай за весь диалог вымолвила от силы пару фраз, и то ядовитые замечания. При этом выглядела она столь высокомерно, что другой человек, впервые увидев выражение лица этой куртизанки, почувствовал бы гнев и презрение.

Не успел его голос стихнуть, как тут же раздалось восклицание Лань Мончоу:

— А-Чжай не такая!!!

Бин Ванмэй кивнул.

— Я знаю, Лань Мончоу, но ведь об этом не подозревают другие. Люди воспринимают лишь то, что видят их глаза и слышат уши.

Девушка понимающе кивнула, опустила голову и тихо поведала:

— Моя красота в сравнении со здешними девушками никак не выделяется. Именно поэтому моих услуг никто не желает, и я однажды осталась без денег даже на новую одежду, не говоря уже о собственном выкупе. Мадам Цзинь не теряла надежды на меня, а я продолжала существовать в Рубиновом доме.

Пока она не столкнулась с Сун Баочжай.

***

Мадам Цзинь, смирившись, все же снизила цену на Лань Мончоу, и наконец-то показался первый клиент. Мужчина средних лет оказался в просторных покоях с изящным убранством и своей «нюйкуй»*. После времяпровождения настал черед платить, и Лань Мончоу, будучи совершенно неудачной куртизанкой, решила немного увеличить цену. Таким образом она хотела наконец купить себе новое платье, чтобы принимать клиентов в подобающем виде, за что впоследствии получила несколько знатных пощечин и, конечно же, нелестные слова.

[Нюйкуй (или нюй-куй, кит. ##) — это исторический термин, которым в Древнем Китае называли женщин-развлекательниц или куртизанок раннего периода]

Схватив девушку за копну волос, мужчина орал:

— Грязная шлюха! Да кем ты себя, черт возьми, возомнила?! Хозяйка говорит одну цену, а ты — совсем другую?! Не слишком ли ты себя возвышаешь, уродина!

На Лань Мончоу и впрямь было больно смотреть: некогда миловидное лицо опухло от побоев, а на краешке губ образовался кровоподтек. Черные волосы, за которые дергал мужчина, будто намереваясь вырвать с корнем, и вовсе представляли собой жалкую, но весьма комичную картину.

На крики поднялась лишь одна из так называемых сестер Лань Мончоу.

Сун Баочжай.

Стоило статной фигуре появиться у порога, как мужчина перевел внимание с жалкой девушки на солидную красавицу в красном.

Сун Баочжай, несмотря на звание «второсортной», являлась одной из самых известных фигур и в Рубиновом доме, и в Хуаюане. Девушка была высокой, а талия ее тонкой, как у осы. Черты лица, несмотря на резкость, притягивали взгляды своей красотой. Многие знали, что любимый цвет девы Сун — красный, из-за этого их с Цзинь Юйтун часто сравнивали. Цзинь Юйтун тоже любила красные наряды, но в отличие от Сун Баочжай она одевалась в яркие цвета. Сун Баочжай же, напротив, носила одежды темных оттенков. Также по Рубиновому дому часто слышались пересуды, где девушки сравнивали двух красавиц в алом: добросердечную Цзинь Юйтун с ее мягкой улыбкой и язвительную Сун Баочжай со сложным нравом.

Сун Баочжай стояла у порога, ее лицо излучало надменность. Она кинула острый, как шпилька, взгляд на залитое слезами лицо Лань Мончоу, напоследок, словно молниеносная и беспощадная стрела, — на мужчину.

— Почему тут так шумно? Мешаете отдыхать! — ядовито фыркнула она.

Этот клиент не мог позволить себе услугу столь элитной куртизанки, поэтому он сначала справился с удивлением, после чего, смягчив тон, ответил:

— Она... Она требует от меня слишком высокую цену. — тут он, видно, что-то вспомнил и, натянув важное выражение лица, добавил: — Вот уж истина — женщины нуждаются только в деньгах мужчины!

Сун Баочжай чуть было не прыснула со смеху. Ей было смешно до боли в животе слушать подобную ересь!

— Высокую цену? — она иронично усмехнулась и, уперев руки в бока, зло выплюнула. — Миф о том, что женщины нуждаются только в деньгах мужчин, нафантазировали мужчины, у которых их нет!

Мужчина от злости весь побагровел.

— Ты!...

Услышав громкий голос Сун Баочжай, остальные куртизанки поинтересовались: кто же посмел вызвать у столь значимой сестрицы Сун гнев. Девушки понемногу начали заполнять покои, на ходу спрашивая:

— Сестрица Сун, что случилось?

— Что здесь происходит?

— Почему этот господин весь красный? Вы съели что-то острое?

— Сестрица Лань? Что с твоим лицом?!

Мужчина был сначала разгневан из-за одной нелепой проститутки, а тут появилась вторая, которая подлила масло в огонь! Ярость уже захватила его рассудок, когда он, несмотря на статус Сун Баочжай, налетел на нее с явным намерением избить.

Сун Баочжай ни на миг не отводила взгляда от мужчины, даже когда ее всю облепили девушки с расспросами. Вот оно! Дождавшись заветной реакции, она ловко отодвинулась в сторону, и мужчина, который до этого подбежал к ней с поднятым кулаком, ударил воздух и из открытой двери кувырком покатился вниз по лестнице.

Услышав глухой крик снизу, Сун Баочжай плотоядно улыбнулась и наказала:

— Немедленно выгоните его из Рубинового дома!

Она была четвертой по влиянию в Рубиновом доме, после мадам Цзинь, Цзинь Юйтун и Инь Сюанье. Первая была хозяйкой, а другие являлись самыми элитными куртизанками Хуаюана. Сун Баочжай быстро поднималась по карьерной лестнице и уже намечалась третьей по счету. Поэтому девушки не посмели ослушаться, и большинство из них ринулись исполнять приказ. Остальные неторопливо подошли к Лань Мончоу, которая лежала на полу и тихо плакала. Улыбка Сун Баочжай слезла с лица, она подошла к плачущей девушке, но помогать не стала. Красивые брови сошлись на переносице, когда она, не скрывая своего взрывного темперамента, забранилась:

— Ты что, полоумная дура? Не знаешь, что такие мелочные подонки, как этот мерзкий старик, сделают с тобой, повысь ты цену даже на монету?! — сейчас Сун Баочжай была не менее зла на столь глупую Лань Мончоу и дала бы ей отрезвляющую затрещину, не будь девушка уже побита. — Заруби себе на носу: мужчина всегда прав только в том случае, когда у женщины нет никакой защиты. Если тебе предписали одну цену, ее ты и примешь, если вообще хочешь жить! Мы все здесь товар, забыла?! Умри ты или я, да даже сама Цзинь или Инь — всем будет абсолютно плевать!

У девушек, что помогали Лань Мончоу, покраснели глаза.

Это была горькая правда.

Почти все проститутки в Хуаюане живут такой жизнью — либо потому, что их украли или продали, либо потому, что у них не осталось другого выбора и пришлось продать свое тело, чтобы прокормиться и прожить чуть дольше. Их никогда не примут в нормальное общество. Даже будь они невероятно талантливыми и гениальными, все будут помнить лишь шлюх. Когда опускаешься вниз — трудно остановиться, а когда ты уже в самом низу — трудно подняться. Это была реальность, которую девушки должны были принять, вступая на территорию Хуаюана.

Лань Мончоу должна была расстроиться или разозлиться на такие жестокие слова, но в ее светлых глазах неожиданно заблестели слезы счастья. Она была глупой и наивной — и сама прекрасно понимала свое положение, однако никто не желал учить ее. Ей было всего шестнадцать, она недавно попала в Рубиновый дом и знала лишь, как ублажать мужчин в постели, — и больше ничего. Кто бы ей объяснил, как жестока жизнь? Кто бы рассказал, как выживать в таком месте? Никто, кроме Сун Баочжай, которая, сама того не подозревая, стала для нее спасением.

Дни шли, Лань Мончоу восстанавливалась, а Сун Баочжай продолжала принимать по несколько мужчин в день, попутно браня всех, кто ей попадется под горячую руку.

Лань Мончоу терпеливо наблюдала. Она виделá, как напряжены ее плечи, как поджаты красные губы. Она виделá всю ее усталость. И правда, разве может живой человек выдержать подобное и не показывать слабости? Очевидно, Сун Баочжай могла.

Лань Мончоу каждый день приходила к ней. И каждый раз получала отказ. В один день она могла принести ей ароматный чай со сладостями и услышать:

— Ненавижу сладкое. Не приходи сюда больше.

В другой она приносила ей самые красивые и свежие цветы из сада и вновь слышала:

— Ненавижу цветы. Не приходи сюда больше.

В очередной из дней она пришла с пустыми руками, и Сун Баочжай, смерив ее долгим, изучающим взглядом, проворчала:

— Ненавижу тебя. Не приходи сюда больше.

— .....

Однако Лань Мончоу приходила. Все смеялись над ней и считали сумасшедшей, но она приходила. У нее не было клиентов, и, в отличие от своих сестриц, она не тратила время на долгую подготовку для плотских утех, а лишь немного прислуживала по дому, помогая слугам. И вот, когда она вновь пришла к двери Сун Баочжай, то услышала ее громкий голос, обращенный, скорее всего, к служанке:

— Вот же дрянь! Ты посмела украсть у меня эту вещь?! Отдай сейчас же!

Послышался звук разбивающихся вещей и плач служанки. Сун Баочжай, видно, отняла то, что принадлежало ей, и вновь завопила:

— Убирайся! Увижу — убью!

Дверь распахнулась, и из комнаты вихрем вылетела юная служанка, рыдая на ходу. Лань Мончоу успела увернуться. Подняв голову, она встретилась с карими глазами Сун Баочжай. Они долго смотрели друг на друга. Лань Мончоу нервно сжала свое платье и хотела было открыть рот, как Сун Баочжай вновь заговорила, смягчив тон:

— Лань Мончоу? Новенькая же?

— Д-да... Сестрица Сун? Я... Я же могу так вас называть?

— Ты либо скромная, либо тупая. — заключила та. — Мончоу... Странное имя, но весьма подходит. Вроде сама госпожа Цзинь нарекла тебя этим именем? Да ты счастливица.

Услышав в ее словах очевидный сарказм, Лань Мончоу обиженно опустила голову. Сун Баочжай нетерпеливо закатила глаза и махнула рукой.

— Подойди и помоги мне поправить прическу, у той дряни руки из заднего места, ни черта не умеет. Может, хотя бы ты справишься?

И Лань Мончоу справилась. Гораздо лучше, чем она предполагала. Никто не желал служить злой стерве, как Сун Баочжай, поэтому Лань Мончоу стала единственной, кто могла днями напролет находиться рядом с ней.

В одни из холодных ночей Сун Баочжай особенно вымоталась, приняв за этот треклятый день больше четырнадцати мужчин. Лань Мончоу принесла ей чай и уже собиралась выйти, когда Сун Баочжай метнула в нее недовольный взгляд. Она сказала:

— Разве я разрешала тебе уходить? Останься.

Лань Мончоу заколебалась, но послушалась, осторожно приблизившись к красивой девушке в красном халате, который немного сполз с плеча, обнажив четкие ключицы и полную грудь.

— Сестрица Сун, тебе что-то нужно? Мне сделать тебе массаж? — мягко спросила она.

Сун Баочжай резко притянула ее к себе и, когда Лань Мончоу упала на подушки рядом, медленно положила голову ей на колени. От нее исходил легкий аромат цветочного вина.

— Как ты попала сюда? — неожиданно спросила она.

Лань Мончоу от удивления и смущения не могла найти себе места. Никогда прежде она не видела Баочжай такой... нежной. Ее усталый взгляд и томный голос, казалось, заставляли сердце Лань Мончоу беспокойно колотиться где-то в груди.

— Меня украли. — тихо ответила она, осмелившись коснуться ее черных, как ночное небо, волос. — Я вышла погулять и ушла далеко от дома, там меня и похитили.

— Ты видела того ублюдка?

— Нет, его лицо было скрыто. — подумав, она осторожно спросила: — А ты... а как ты попала сюда?

— Меня продал родной отец. — равнодушно бросила Сун Баочжай. — его старый член не переставал долбиться в мою мать, пока она не родила ему восьмерых детей. Я была самой младшей, — она поерзала на месте и прикрыла глаза. Ее голос стал сонным. — Денег не хватало даже на еду. Я постоянно голодала. Отец забирал деньги, с трудом заработанные моей матерью, и пускал на выпивку, а когда приходил домой пьяным, насиловал ее на наших глазах. Мой старший брат вырос таким же ублюдком. Мне говорили, что я самая красивая из сестер, и этот отброс пользовался моей беспомощностью и приставал ко мне. Однажды он собирался меня изнасиловать, а я взяла и убила его.

Душа Лань Мончоу ухнула куда-то вниз. Дрожащими пальцами она нежно проводила по глазам Сун Баочжай, по ее длинным черным ресницам и по родинке под левой бровью. Сун Баочжай лениво продолжала, наслаждаясь этими прикосновениями:

— Отец тогда очень сильно разозлился. Меня избили до полусмерти. Когда меня уводили, я узнала, что моя мать снова беременна и не выдержала. Я взяла нож и воткнула ей прямо в брюхо, обозвав грязной шлюхой. Ха-ха... Смешно, правда же? Я сама стала шлюхой. Грязной, сумасшедшей проституткой. Меня ненавидят все. Меня никогда не любили, тогда почему я должна любить их? Почему я должна терпеть кого-то, кто мне не нравится? Почему мне кто-то должен нравиться?

Лань Мончоу с трудом сдерживала рвущийся наружу горький плач. Она не могла принять то, что только что услышала. Ее старшая сестрица Сун, ее надежда, ее опора... когда-то была чистым, невинным ребенком, которого вынудили защищаться. Ребенком, который не видел счастья, не видел даже нормальной еды.

Одинокая слеза упала на щеку Сун Баочжай, когда Лань Мончоу заговорила тихим, сдавленным голосом:

— Я не ненавижу тебя, А-Чжай.

Сун Баочжай медленно открыла веки и посмотрела в ее светлые, по-детски невинные глаза, полные непролитых слез. Прерывая затянувшуюся паузу, она хрипло прошептала:

— Я знаю. — ее глаза вновь закрылись. — В этой жизни я люблю только тебя, Мончоу.

Сердце Лань Мончоу пропустило удар.

— Что? — спросила она, но ответа не последовало. Сун Баочжай заснула на ее коленях.

Дни в Рубиновом доме текли медленно. Лань Мончоу прислуживала Сун Баочжай уже год, и многие до сих пор не верили в то, что она смогла продержаться так долго. О нелегком нраве куртизанки по фамилии Сун знали все без исключения, но проверять ее на прочность осмеливались только новенькие, которых мадам Цзинь ставила к ней в услужение. Каждая уходила в слезах, с проклятиями и новыми шрамами на самолюбии. Только Лань Мончоу умудрялась находиться рядом с Сун Баочжай, как тень, которую не замечали, но без которой уже не представляли дня. Она поправляла подол, когда Сун Баочжай, увлекшись перепалкой с гостем, не замечала, что открылась нога. Она подкладывала подушку под поясницу, когда та после двойного заказа не могла разогнуться. Если говорить коротко, Лань Мончоу была единственным близким человеком для Сун Баочжай во всем Хуаюане.

В один из таких обычных дней некий господин Чэнь ушел далеко за полночь, оставив на простынях жирное пятно от соевого соуса и обещание прислать завтра отрез парчи. Сун Баочжай стояла у окна, кутаясь в халат, и смотрела, как его носилки качаются вниз по улице, точно похоронная процессия.

— Ну что? — Лань Мончоу бесшумно скользнула в комнату — босая, в простом белом платье и с мокрым полотенцем в руках. — Сильно он тебя?

— От него воняет чесноком и старческой мочой, — бросила Сун Баочжай, не оборачиваясь. — И он хотел, чтобы я сидела у него на коленях.

— Но ты же не сидела.

— Я сказала, что у меня лишай на заднице.

Лань Мончоу прыснула, но тут же прикрыла рот ладонью. Сун Баочжай наконец повернулась — ее макияж размазался, делая взгляд еще более хищным, но Лань Мончоу уже подошла и начала осторожно стирать с ее лица румяна влажной тканью.

— Ты единственная, кто может сказать такое клиенту и не получить пощечину, — прошептала Лань Мончоу. — Потому что на следующий день он все равно вернется.

— Он возвращается не ко мне. К моему лицу.

Лань Мончоу растерянно похлопала длинными ресницами. Она спросила:

— А какая разница?

Сун Баочжай вдруг схватила ее за запястье. Так крепко, что побелели костяшки.

— Большая, Лань Мончоу. Когда я умру, лицо сгниет первым. А ты? Ты будешь стоять у моей могилы и плакать или уже найдешь себе новую «сестрицу Сун»?

Лань Мончоу не отняла руку. Даже не вздрогнула.

— Я буду стоять, — сказала она просто. — Но только очень-очень не скоро. Кто ж тебя похоронит раньше времени? Мадам Цзинь сама приползет с того света и вычтет из твоего погребального савана стоимость десяти ужинов.

Сун Баочжай сразу уловила шутливый тон в ее словах, хотя на деле они являлись правдой. Лань Мончоу часто так делала, когда ее что-то сильно расстраивало.

Она медленно отпустила ее, хмыкнула и отвернулась к окну.

— Свари мне рисовой каши. Без сахара.

— Без сахара — горькая же.

— Я и так горькая. Каша ничего не испортит.

Когда Лань Мончоу вышла, она все же положила в кастрюлю маленький кусочек сахарной патоки, отколотый от своего тайного запаса.

***

Вечер в Рубиновом доме начинался не с музыки и смеха, а с тяжелого запаха благовоний, густого, как пролитое вино. Красные фонари, развешанные вдоль резных террас, окрашивали лица обитательниц в багровые тона, превращая их в прекрасных и печальных призраков.

Мадам Цзинь медленно шла по коридору. Шорох ее тяжелых парчовых одежд заставлял младших учениц испуганно прижиматься к стенам.

— Баочжай еще не готова? — ее голос прозвучал низко, когда она остановилась у двери одних из самых роскошных покоев дома. — Юйтун и Сюанье давно ожидают в зале, куда это годится?

Служанка едва успела кивнуть, как дверь распахнулась.

Сун Баочжай стояла на пороге, поправляя тяжелую нефритовую шпильку в волосах. Ее красота была острой, как лезвие кинжала: идеально очерченные скулы, темные глаза и губы, застывшие в вечной презрительной усмешке. Она не ладила ни с кем — ни с гостями, которые платили целые состояния за вечер с ней, ни с другими девушками, считавшими ее «истинной красотой без сердца».

— Если вы пришли напомнить мне о цене моего времени, матушка, то не утруждайтесь, — равнодушно бросила Сун Баочжай, даже не взглянув на хозяйку. — Я знаю ее лучше вас.

Мадам Цзинь сузила глаза. Любую другую она бы велела выпороть за такие слова, но Сун Баочжай была одной из «троих столпов» Рубинового дома. За один день она получала

больше серебра, чем двадцать девушек вместе взятые, а все потому, что ее тяжелый характер был частью легенды, которую покупали богатые чиновники.

— Сегодня прибудет офицер Вэй. Постарайся, чтобы твоя ядовитая натура не перевесила твое личико хотя бы до полуночи, — холодно ответила мадам Цзинь и, развернувшись, удалилась.

Сун Баочжай фыркнула и уже собиралась захлопнуть дверь, как в комнату, словно яркий солнечный луч, проскользнула невысокая фигура.

— А-Чжай, опять поссорилась с матушкой? Сестрица Цзинь расстроится, когда узнает. — Лань Мончоу, одетая в нежно-голубое платье, которое совсем не подходило к пышному стилю Рубинового дома, поставила на столик поднос с теплым чаем.

Сун Баочжай заметно расслабила плечи. В присутствии Лань Мончоу лед в ее глазах чуть подтаивал.

— Она видит во мне только шкатулку с драгоценностями, Мончоу. Почему я должна улыбаться ее кошельку? — проворчала Сун Баочжай, опускаясь на расшитые подушки.

Лань Мончоу улыбнулась. Ее скромный и веселый нрав были загадкой для всех в этом доме. В месте, полном интриг и зависти, Лань Мончоу умудрялась оставаться искренней. Она была единственной, кто не боялась тяжелого характера Сун Баочжай и видел за ее колкостями глубокую усталость.

— Потому что, если ты перестанешь улыбаться, она заставит тебя работать в прачечной, а твои нежные руки этого не вынесут, — шутливо сказала она и подошла к Сун Баочжай, чтобы расчесать ее длинные волосы. — Посмотри на себя, А-Чжай. Ты — одна из самых красивых женщин в Фансине. Даже если ты будешь просто молчать и презирать их, они все равно придут к тебе.

— Ты слишком добра к людям, — Сун Баочжай прикрыла глаза, наслаждаясь привычными движениями ласковых рук Лань Мончоу. — Помнишь, что я говорила при нашей первой встрече? Они — волки. И ты для них слишком легкая добыча.

Лань Мончоу тихо рассмеялась, застегивая на ее запястье браслет с рубинами.

— Пусть думают, что я добыча. Пока они смотрят на меня, они не видят, как ты прячешь нож под подушкой. Мы ведь договорились, правда? Ты — мой щит, а я — твое утешение.

Сун Баочжай перехватила руку Лань Мончоу и на мгновение прижала ее к своей щеке. Она редко позволяла слабости вырваться наружу, но в этот самый момент, казалось, ее душу сжимали в тисках огромные руки с длинными когтями, пытаясь разорвать на мелкие кусочки. Она не могла объяснить этот импульсивный порыв, но точно знала, что если бы не сделала этого, то сошла бы с ума от странного беспокойства, охватившего сердце.

— Если кто-то обидит тебя сегодня… если хотя бы один из этих жирных подонков посмеет сказать тебе грубое слово… — голос Сун Баочжай снова стал жестким.

— Я знаю, знаю, — Лань Мончоу спокойно поправила воротник на ее платье и, закончив, коснулась ее руки. — Идем. Мадам Цзинь уже приказала подать вино в главный зал. Сестрицы ждут нас.

Сун Баочжай встала, снова надевая на лицо маску холодного величия. Она вышла из комнаты первой, расправляя плечи. А следом за ней шла Лань Мончоу — единственная душа в этом алом омуте, ради которой Сун Баочжай была готова не только терпеть этот мир, но и сжечь его дотла, если потребуется.

Зал «Золотого Дракона» — сердце Рубинового дома — этим вечером тонул в роскоши, которая граничила с вульгарностью. Потолки, расписанные танцующими небесными девами, отражали блеск сотен свечей, а полы, устланные тяжелыми коврами, поглощали звуки шагов. Слышался лишь приглушенный звон чаш и голоса гостей.

Мадам Цзинь стояла на возвышении, сложив руки в широких рукавах темно-пурпурного платья. По обеим сторонам от нее расположились самые элитные куртизанки Рубинового дома — Цзинь и Инь. Цзинь Юйтун сидела, улыбаясь прохожим. Она была мягкой и теплой, как восковая свеча. Инь Сюанье же, напротив, — холодной и блестящей, как стекло масляной лампы. Среди них Сун Баочжай напоминала бумажный фонарь в темной ночи. Она была яркой и притягательной, но хватало лишь малейшего дуновения ветра, чтобы ее собственное пламя уничтожило ее, превратив в серый пепел.

Острый и холодный, как у ястреба, взгляд мадам Цзинь скользил по залу. Она видела все: и недопитое вино, и назревающую ссору в углу, и то, как нетерпеливо поглядывает на пустующее «место дракона» офицер Вэй. Тот был страшным человеком, и слухи о нем ходили не самые приятные. Но его интерес к Сун Баочжай был особенно известен всем обитателям цветочных домов. Девушки судачили, что весь этот праздник был посвящен не ему, а ей, как самому яркому пламени Рубинового дома.

— Начинайте музыку, — едва шевельнув губами, приказала хозяйка слуге. — И если Баочжай опоздает еще хоть на долю вдоха, я прикажу лишить ее завтрака на неделю.

Цзинь Юйтун рядом с ней осторожно шепнула:

— Матушка, будьте милосердны. В последнее время Баочжай не здорова, и вы знаете об этом.

— Небольшая простуда не дает ей право на отдых. Я привела эту дикарку на свой страх и риск, но мне еще повезло, что она оказалась немного послушной и за вкусную еду принимала даже самых раздражительных гостей.

Инь Сюанье тихо вмешалась:

— Ее судьба заслуживает вашей жалости, матушка. Тот господин даже не посмотрел на ее юный возраст и потребовал ее на ночь.

Мадам Цзинь глубоко вздохнула. Слова сестер смогли добраться до ее черствого сердца. Всего на мгновение в ее глазах вспыхнула искра жалости, которая также внезапно потухла. Она взяла их руки в свои и сказала:

— Вы все здесь мои дочери, из какой бы семьи вы ни были. Несмотря ни на что, я защищу вас — это останется неизменным. Но свой долг вы обязаны исполнять как положено. Вы обязаны мне жизнями за свое спасение, девочки мои.

Цзинь Юйтун взглянула на Инь Сюанье. На ее губах по-прежнему сияла легкая улыбка, но в зеленых глазах застыло недоверие. Инь Сюанье ответила ей кивком и отвернулась.

Женщина всегда будет расходным материалом — вот что действительно останется неизменным.

Музыка зазвучала внезапно — резкие, рвущие душу звуки пипы. И в этот момент на лестнице появилась прямая фигура.

Сун Баочжай спустилась по лестнице, словно оставляя за собой дорожку из огня. На ней было платье цвета запекшейся крови, расшитое черным жемчугом. Лицо, застывшее в маске ледяного безразличия, заставило зал на мгновение замолкнуть. Мужчины, привыкшие покупать ласку, внезапно почувствовали себя нищими перед этой женщиной, которая смотрела на них так, словно они были лишь грязью на ее туфлях.

— Господин Вэй, — она не поклонилась, лишь слегка склонила голову. — Говорят, вы проделали долгий путь, чтобы увидеть меня. Надеюсь, ваши ожидания были скромными, иначе разочарование будет горьким.

Офицер Вэй усмехнулся, его глаза хищно блеснули.

— Твой язык так же остер, как и слухи о нем, Баочжай. Подойди. Налей мне вина.

Сун Баочжай медленно подошла к его столу. В воздухе отчетливо пахло опасностью. Она взяла кувшин, и тонкая струйка вина полилась в чашу. Когда офицер попытался накрыть ее руку своей, грубой и мозолистой, Сун Баочжай едва заметным, но молниеносным движением отстранилась.

— Мои руки предназначены для искусства, господин, а не для того, чтобы греть чью-то ладонь, — бросила она, и по залу пронесся испуганный шепот. Мадам Цзинь сжала веер так сильно, что костяшки ее пальцев побелели.

Офицер Вэй медленно поднялся, его лицо потемнело. Воздух в зале стал тяжелым, предвещая бурю. Но прежде чем он успел открыть рот, между ними, словно всполох весеннего ветра, возникла Лань Мончоу. Она несла поднос с редкими засахаренными фруктами. Ее лимонно-желтое платье и легкая, почти детская улыбка казались здесь совершенно неуместными, но именно они разрядили обстановку.

— О, мой господин! — пропела Лань Мончоу. Ее голос был полон притворного восхищения, которое, тем не менее, звучало очень искренне. — Не гневайтесь на мою сестру. Она сегодня не в духе, потому что любимая птица в ее саду отказалась петь на рассвете. Попробуйте этот засахаренный кумкват, его привезли прямо из южных земель Синьфу для вашего визита!

Она так ловко подсунула блюдо под самый нос офицера, что тот невольно отшатнулся. Лань Мончоу защебетала, рассказывая какую-то смешную историю о поваре и пропавшей утке, активно махая руками и мягко оттесняя Сун Баочжай в сторону.

Офицер Вэй, ошеломленный таким напором жизнерадостности, на мгновение растерялся. Его гнев, не найдя сопротивления, начал рассеиваться. Он фыркнул, глядя на маленькую, веселую девушку, которая так искренне радовалась его присутствию.

— Ты слишком шустрая, малютка, — проворчал он, забирая кумкват. — Иди, танцуй. А ты, Баочжай… сиди и молчи, раз природа не подарила тебе мягкий характер.

Сун Баочжай метнула в Лань Мончоу яростный взгляд, но та лишь незаметно подмигнула ей, прежде чем выпорхнуть в центр зала под звуки флейты.

Танец Лань Мончоу был полной противоположностью тяжелому величию Сун Баочжай. Она двигалась легко, словно лепесток в ручье, ее скромность и веселье очаровывали гостей, давая им передышку от ледяного презрения первой красавицы. Но Сун Баочжай видела, как один из приближенных офицера, пьяный и разгоряченный, начал слишком пристально следить за каждым движением Лань Мончоу, его рука уже тянулась к ее подолу, когда она пролетала мимо.

Внутренности Сун Баочжай, казалось, превратились в лаву. Она ненавидела этих людей, ненавидела Рубиновый дом, но больше всего она ненавидела то, что ее единственному близкому человеку приходится притворяться дурочкой, чтобы спасти ее саму.

Когда мужчина, осмелев, схватил Лань Мончоу за край рукава, дернув ее на себя, музыка оборвалась. От неожиданности Лань Мончоу вскрикнула, потеряв равновесие, и едва не упала.

Зал замер. Цзинь Юйтун встала, чтобы вмешаться, но Сун Баочжай оказалась быстрее. Подойдя к мужчине, который все еще держал мертвенно-бледную Лань Мончоу за руку, Сун Баочжай взяла со стола чашу с ледяной водой и медленно, с наслаждением вылила ее прямо на его голову.

— В Рубиновом доме не принято трогать девушек, не заплатив, — отчеканила она. — Если твои руки зудят, я могу попросить госпожу Цзинь найти им применение на конюшне. Там как раз не хватает чистильщиков навоза.

Мужчина вскочил, хватаясь за рукоять меча, но офицер Вэй рявкнул:

— Сядь! Ты опозорил меня перед дамами. — он посмотрел на Сун Баочжай. На этот раз в его взгляде было не только вожделение, но и странное уважение, смешанное с ненавистью. — Ты играешь с огнем, красавица. Однажды ты обожжешься так сильно, что ничто тебе не поможет.

Сун Баочжай лишь выпрямила спину, обнимая за плечи дрожащую Лань Мончоу.

— Я сама — этот огонь, господин. И я советую вам не подходить слишком близко.

Мадам Цзинь, наблюдая за этой сценой, прикрыла лицо веером. Ее губы дрогнули. Она знала, что офицер Вэй не из тех, кто прощает публичное унижение. А Баочжай… Баочжай была слишком красива и слишком горда, чтобы дожить до старости в этом месте.

— Всем вина за мой счет! — внезапно провозгласила мадам Цзинь, разряжая обстановку. — Праздник продолжается!

Но Сун Баочжай уже уводила Лань Мончоу прочь из зала, чувствуя, как в темноте коридоров на них смотрят десятки глаз — жадных, завистливых и предвещающих беду. За закрытыми дверями покоев Сун Баочжай шум пиршества превращался в глухой, неритмичный гул. Здесь, в личных покоях, аромат благовоний был иным — не приторным, как в зале, а горьковатым, с нотками сандала и засохших лепестков роз.

Лань Мончоу сидела на краю низкой кушетки, ее руки все еще мелко дрожали. Желтый шелк ее платья был помят, а одна из завязок на рукаве свисала вниз. Сун Баочжай стояла у окна. Ее плечи были напряжены так сильно, что казались высеченными из нефрита.

— А-Чжай... — тихо позвала Лань Мончоу, и ее голос надломился. — Зачем ты это сделала? Теперь матушка... она не простит тебе этого. И офицер Вэй... ты видела его глаза?

Сун Баочжай резко развернулась. Ее лицо, лишенное маски, которую она носила перед гостями, выглядело изможденным, но ярость в глазах все еще полыхала холодным огнем.

— Она может забрать мои украшения, может запереть меня в подвале или заставить петь для нищих на площади, — голос Сун Баочжай вибрировал от сдерживаемого гнева. — Но я не позволю этим пьяным животным вытирать об тебя руки. Ты слышишь меня, Мончоу? Никогда.

Она подошла к ней, опустилась на колени и резким движением сорвала с головы тяжелый венец, отбросив его в сторону. Драгоценные камни с сухим стуком покатились по ковру. Сун Баочжай взяла ладони Лань Мончоу в свои.

— Ты слишком много на себя берешь, — прошептала Лань Мончоу, касаясь подрагивающими пальцами ее щеки. — Ты пытаешься спасти меня от этого места, но ты сама в нем по самое горло. Твой яд защищает тебя, но он же тебя и погубит.

— Пусть губит, — Сун Баочжай прислонилась лбом к ее коленям. — Лишь бы этот яд сначала добрался до них.

Их момент тишины был разрушен внезапным и властным стуком в дверь. Он не был громким, но в нем слышалась та сталь, которую нельзя было игнорировать. Дверь отъехала в сторону, и в комнату вошла мадам Цзинь. На этот раз при ней не было веера, и ее лицо не скрывали тени зала. Она выглядела постаревшей на десять лет и оттого еще более опасной.

— Выйди, — бросила она Лань Мончоу, даже не глядя на нее.

— Матушка, пожалуйста, это я... — начала было та, вскакивая, но мадам Цзинь прервала ее коротким жестом.

— Вон. Живо.

Лань Мончоу бросила на Сун Баочжай испуганный взгляд и, поклонившись, поспешно выскользнула из комнаты. Дверь закрылась с тяжелым стуком.

Мадам Цзинь медленно прошлась по комнате, подбирая брошенный венец. Она внимательно осмотрела его, словно проверяя, не выпали ли камни.

— Ты знаешь, сколько стоит этот венец, Баочжай? — спросила она буднично. — Столько же, сколько стоит небольшая деревня на севере. А знаешь, сколько стоит твоя жизнь после того, как ты вылила воду на голову офицеру императорской армии?

Сун Баочжай поднялась, глядя прямо в глаза хозяйке Рубинового дома.

— Меньше, чем этот кусок золота, я полагаю.

— Намного меньше, — мадам Цзинь подошла вплотную. — Офицер Вэй не ушел. Он сидит в моем кабинете и требует возмещения ущерба за «оскорбление чести его людей». Он не хочет денег, Баочжай. Он хочет, чтобы завтра на рассвете ты отправилась в его поместье за городом. «Для частного выступления», как он выразился.

В комнате стало так тихо, что было слышно, как догорает фитиль в лампе. Поехать в поместье к офицеру Вэю означало исчезнуть. Такие люди, как он, не возвращали «драгоценности» обратно, они ломали их и выбрасывали в канаву, когда те переставали блестеть.

— И что вы ответили? — Сун Баочжай не отвела взгляда, хотя внутри у нее все заледенело.

Мадам Цзинь молчала долго, глядя на венец в своих руках.

— Я ответила, что ты больна. Что у тебя лихорадка и ты не доживешь до утра, если тебя вывезут на холодный воздух. Я отдала ему половину прибыли за месяц и пообещала, что Лань Мончоу будет развлекать его до рассвета своими танцами, чтобы он не скучал.

Мир перед глазами Сун Баочжай качнулся. Она не сразу осознала то, что услышала. Лань Мончоу... Ее Мончоу будет развлекать такого жестокого человека, как офицер Вэй? Она будет...

Казалось, еще секунда — и она готова была разорвать глотку женщины напротив. Ярость, охватившая здравый рассудок, оказалась так велика, что легкая женская кисть смогла поднять целую тумбочку с украшениями и с размаху бросить ее в стену, всего в нескольких цунях от лица мадам Цзинь. Тумба ударилась о стену и разлетелась в щепки. Женщина попятилась, не изменившись в лице, несмотря на то, что грозилась быть следующей жертвой.

— Нет... Нет! Если он ее хоть одним пальцем... То я... Я... Я убью его. Я его убью, клянусь вам!

— Перестань сходить с ума, неблагодарная девчонка! Я сделала то, что должна была сделать хозяйка этого дома, чтобы спасти твою шкуру! — рявкнула мадам Цзинь, впервые теряя самообладание. Ее лицо исказилось от гнева. Она с силой оттолкнула руку Сун Баочжай.

— Ты думаешь, что имеешь хоть какой-то вес в моем доме? Думаешь, твоя красота дает тебе право разрушить все, чего я добивалась годами? Из-за твоей гордости теперь Мончоу платит твой долг. И если она не вернется к утру... это будет не на моей совести, знай об этом.

Мадам Цзинь развернулась и вышла, оставив Сун Баочжай одну в пустой, роскошной клетке.

Услышав до боли знакомый щелчок, Сун Баочжай бросилась к двери, но обнаружила, что та заперта снаружи. Она начала бить по дереву кулаками, кричать, срывая голос и проклиная хозяйку и офицера Вэя. Но стены Рубинового дома были толстыми. Ее никто не слышал.

Через час безумного бессилия Сун Баочжай затихла. Она сидела на полу среди разбросанных украшений, и ее глаза, обычно такие холодные, теперь горели безумным, лихорадочным блеском. Она поняла одну вещь: мадам Цзинь совершила ошибку, ведь та даже не подозревала, что Лань Мончоу была единственной нитью, связывающей Сун Баочжай с человечностью. И если эту нить оборвут... от Рубинового дома не останется ничего, кроме печальной молвы и пепла.

Сун Баочжай медленно встала и подошла к зеркалу. Она вытерла слезы, размазывая белила по лицу, превращая себя в жуткую куклу. Затем она подобрала с пола большую шпильку с тонким полым наконечником.

— Потерпи, Мончоу... — прошептала она своему отражению. — Сегодня Рубиновый дом узнает, как жарко может пылать мой огонь.

В это же время в кабинете мадам Цзинь офицер Вэй медленно потягивал вино, слушая, как в соседней комнате звенят колокольчики на запястьях Лань Мончоу, и в его голове уже созревал план, как окончательно растоптать ледяную розу по имени Сун Баочжай.

Веселье продолжалось.

Несколько коротких щелчков, почти неслышных на фоне далекой музыки, и тяжелый засов отъехал в сторону. Дверь приоткрылась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.